

К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-9-48

© Е. О. ЛАРИОНОВА

Б. В. ТОМАШЕВСКИЙ В ПУШКИНОВЕДЧЕСКИХ ПОЛЕМИКАХ НАЧАЛА 1930-х ГОДОВ: У ИСТОКОВ АКАДЕМИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ А. С. ПУШКИНА

В 1928–1929 годах из печати вышли первый и второй полутома девятого тома Академического издания сочинений Пушкина, начатого в 1899 году академиком Л. Н. Майковым.¹ Этот том, содержащий историко-литературные, критические, публицистические и полемические статьи и заметки и сданный в печать еще в 1912 году,² стал шестым по общему счету выпущенных томов. На нем собрание было остановлено. План нового академического издания разрабатывался с начала 1928 года под руководством П. Н. Сакулина.³

Б. В. Томашевский вошел в предварительный состав редакционного колллектива и присутствовал на совещании по изданию, собранном Сакулиным 24–25 марта 1928 года в Москве.⁴ Н. В. Измайлов писал в своих воспоминаниях, что «академическое издание было признано преждевременным и пока невозможным, но решено было готовить шеститомное полное (предварительное) издание, проверенное по рукописям; для публикации же всех вариантов еще не было выработано тогда и методов».⁵ Шеститомное собрание, изданное в 1930–1931 годах в приложении к журналу «Красная нива»,⁶ таким образом,

¹ *Пушкин*. Соч. СПб.; Пг.: Изд. Имп. Академии наук, 1899. Т. 1; 1900. Т. 1 (2-е изд.) (ред. Л. Н. Майков); 1905. Т. 2 (ред. В. Е. Якушкин); 1912. Т. 3 (ред. В. Е. Якушкин, П. О. Морозов); 1914. Т. 11 (ред. В. Е. Якушкин, Н. Н. Фирсов); 1916. Т. 4 (ред. П. О. Морозов); Л.: Изд-во АН СССР, 1928. Т. 9. Кн. 1; 1929. Т. 9. Кн. 2 (ред. Н. К. Козмин).

² В 1925 году Б. В. Томашевский писал, что том набран больше чем наполовину, но «материальные условия препятствуют выходу его в свет» (*Томашевский Б. В. Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения*. Л., 1925. С. 26–27).

³ Первоначально, по всей видимости, на руководящую роль претендовал Н. К. Пиксанов. См. в письме Б. Л. Модзалевского к М. А. Цявловскому от 16 августа 1927 года: «О съезде пушкинистов слухи и у нас ходят. Позиция Н. К. Пиксанова очень огорчительна для меня, но ведь надо же когда-нибудь начать действительный поход против не-марксистов, чтобы утвердиться на позициях. Но я надеюсь, что чувство справедливости возьмет-таки верх и он не забудет здешних пушкинистов. Участие в деле таких *больших* пушкинистов, как Томашевский, Оксман и Измайлов (о себе не говорю — я уже устарел и к большой работе не способен), не было бы бесполезно в таком большом деле. И где же и на чем же другом можно лучше объединить все достойные силы, как не на Пушкине! Это все проклятая кружковщина и российское недоброжелательство, от которого мы уже столько страдали и, по-видимому, еще будем страдать. Но не будем отчаиваться, — поживем — увидим» (ИРЛИ. Ф. 387. № 233. Л. 29).

⁴ В совещании также участвовали: В. В. Вересаев, Л. П. Гроссман, В. М. Жирмунский, Н. В. Измайлов, Ю. Г. Оксман, Н. К. Пиксанов, М. А. Цявловский и П. Е. Щеголев. В состав ленинградской группы пушкинистов входил и Б. Л. Модзалевский, который уже был тяжело болен и приехать не мог.

⁵ *Измайлов Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918–1928* / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год. СПб., 2003. С. 316.

⁶ *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*: В 6 т. / Под общ. ред. Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, П. Е. Щеголева. М.; Л.: ГИЗ, 1930. Т. 1–4; 1931. Т. 5, 6. Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно: *КН*, с указанием номера тома и страницы.

не отменяло идеи большого издания академического типа, параллельный выпуск которого анонсировался в редакционном предуведомлении. Издание «Красной нивы» выходило как приложение к ежемесячным номерам журнала (двенадцатью книгами). Последний, шестой, том занимает комментарий, данный в форме «Путеводителя по Пушкину» — расположенных в алфавитном порядке статей и заметок.⁷ Поскольку общий объем издания в ходе его подготовки значительно увеличился относительно первоначальных подсчетов, объем «Путеводителя» был сокращен с планируемых двух книг до одной. Б. В. Томашевский участвовал в редакции 3-го тома (поэмы и драмы), для которого подготовил «Гавриилиаду», «Домик в Коломне», «Анджело» и «Бориса Годунова», и 4-го тома («Евгений Онегин» и повести), где готовил «Онегина», «Историю села Горюхина» и (совместно с Д. П. Якубовичем) «Дубровского». Он также передал в распоряжение редакции стихотворные тексты, подготовленные им и Н. В. Измайловым к публикации по рукописям Майковского собрания.⁸

8 декабря 1929 года Томашевский писал М. А. Цявловскому:

«Дорогой Мстислав Александрович,

Наши письма, очевидно, разошлись. Но могут они и пропасть, поэтому сообщая, что мною высланы Вам в двух пакетах тексты Майкова для I и отчасти II тома. Тексты, кот<орые> можно вырезать из Том<ашевского>,⁹ я не посылал, а указал поправки к ним.

Посвящение к „Гавриилиаде“¹⁰ помещайте среди стихов, т<ак> к<ак> это стихотв<орение>, конечно, не составляет с поэмой одного целого (как, напр<имер>, посв<ящение> к «Полтаве» или «Е<вгению> О<негину>»), а является чем-то вроде „NN, при посылке ему“ и т. п.

Замечаний, к сожалению, прислать не могу — нет достаточного досуга, чтобы во все вникнуть, а с маху всего не возьмешь. Замечу только, что с датировкой „Вольности“ я не согласен и больше верю Пушкину. Ведь нет никаких положительных указаний, противоречащих его дате.¹¹

⁷ Датировки стихотворений (без обоснования) были указаны в алфавитном указателе стихотворений в конце второго тома.

⁸ О подготовке Томашевским к публикации пушкинских автографов из собрания Л. Н. Майкова см. подробнее в прим. Г. А. Левинтона и Н. Г. Охотина к их публикации: Б. В. Томашевский в журнале «Гермес» (1923): Публикация пушкинских черновиков из «Майковского собрания» / Публ. Г. Левинтона и Н. Охотина // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2011. [Вып.] 5. Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Л. И. Вольперг. Ч. 2. С. 540–543.

⁹ По-видимому, Томашевский имеет в виду подготовленный им совместно с К. И. Халабаевым в 1924 году однотомник (*Пушкин*. Соч. Л.: ГИЗ, 1924; далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно: *Пушкин 1924*, с указанием номера страницы), в ходе работы над которым он обращался к автографам Майковского собрания при подготовке ряда текстов: «Счастлив, кто избран своенравно...» (в так называемом Большом академическом издании (см. ниже) предположительно объединено Н. В. Измайловым в один текст со стихотворением «Наперсник»), «Прощание», «Заклинание», «Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы», «В начале жизни школу помню я...», «Пред испанкой благородной...», «(Из Анакреона.) Отрывок» («Узнают коней ретивых...»), «Ода LVI (Из Анакреона)» («Поредели, побелели...»), «Ода LVII» («Что же сухо в чаше дно?...»), «Художнику», «Подражание итальянскому», «Из Пиндемонти», «Когда за городом задумчив я брожу...», «И дале мы пошли — и страх обнял меня...», «Вино (Ион Хиосский)», «Юноша! скромно пируй и шумную Вахову влагу...», «Бог веселый винограда...», «Подражание арабскому». В третьем издании однотомника в 1928 году этот список пополнился стихотворениями «Паж или пятнадцатый год» и «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...».

¹⁰ Речь идет о набросках посвящения «Гавриилиады» — «Вот муза, резвая болтунья...», «Примите, новую тетрадь...» и «О вы, которые любили...». В *КН* напечатаны в разделе неоконченных и неотделанных стихотворений 1821 года (Т. 1. С. 332).

¹¹ Вопрос о датировке оды «Вольности» в этот момент оставался остро дискуссионным. В издании Академии наук стихотворение, до этого отнесенное по косвенным свидетельствам к 1819 году, было передатировано В. Е. Якушкиным 1817 годом в соответствии с авторской датой

Протестую против „Саранчи“ (261).¹² Какое это „стихотворение“? Просто озорная надпись. Это биографический материал. Да еще — где взять авторитетный текст? По-вашему же выходит, что это *minimum dubia*. 301 — все-таки не самостоятельный стих,¹³ а вариант стиха 300. (Продолжение следует).¹⁴

Из трех основных вопросов, встающих при издании собраний сочинений,¹⁵ два — состава (полноты) и типа комментария — снимались для шеститомника обещанием «большого» издания.¹⁶ Третья проблема — композиции собрания сочинений — стала главным предметом обсуждения в ходе работы над первыми двумя томами, куда вошли тексты стихотворений под редакцией М. А. Цявловского. В письме к Т. Г. Зенгер (Цявловской) от 11 мая 1930 года Томашевский замечал: «Мне показывал Щеголев корректуру II тома. Мне кажется, Мстислав Александрович увлекся. Более хаотической пестроты в издании еще не было. Отдел неоконченных — фантастичен: фрагменты нельзя считать неоконченными — это каламбур. Как бы сделать, чтобы второй том имел большее соответствие с его прямым назначением: ознакомить читателя с творчеством Пушкина, а не переходил в пушкинскую бухгалтерию. Ведь Пушкин писал для того, чтобы его читали, а не нумеровали».¹⁷

В первом томе «краснониевского» издания напечатано 512 стихотворных текстов Пушкина 1814–1825 годов, разделенных на несколько хронологических цепей, но имеющих сквозную нумерацию. Вслед за завершенными произведениями (320 номеров) идет раздел «Неоконченное и неотделанное» (№ 321–423), далее следуют разделы «Черновые наброски» (№ 424–452),

в найденном в архиве братьев Тургеневых белом автографе (ПД 24). Это решение горячо оспаривал Н. О. Лернер, считавший авторскую дату ошибкой и настаивавший на более позднем происхождении тургеневского автографа. В одном томе 1924 года Б. В. Томашевским была безоговорочно принята авторская дата «1817 г.». М. А. Цявловский в *КН* (Т. 1. С. 179) принял дату «1817» еще «предположительно». Впоследствии он стал твердым сторонником именно этой датировки. Подробнее см. его посмертно опубликованную рукопись «Хронология оды „Вольность“» (*Цявловский М. А. Статьи о Пушкине*. М., 1962. С. 66–81); см. также комм. В. Э. Вацуро, Е. О. Ларионовой и А. И. Роговой в новом Академическом издании Пушкина (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2. Кн. 1. С. 481–486).

¹² Речь идет о приписываемом Пушкину экспромте «Саранча / Летела, летела...», который, судя по номеру (261) в принятой М. А. Цявловским сквозной нумерации текстов, первоначально был помещен в основной корпус издания. В конечном счете он был напечатан в *КН* в разделе «Dubia», однако в последующих изданиях под редакцией М. А. Цявловского возвращен в основной корпус. В так называемое Большое академическое издание (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 1–16; 1959. Справочный том) этот экспромт не вошел. Подробнее историю публикации пушкинских экспромтов см.: *Ларионова Е. О.* Мелочи о Пушкине. 3. Устные экспромты Пушкина и их место в собраниях сочинений // *Временник Пушкинской комиссии*: Сб. науч. тр. СПб., 2013. Вып. 31. С. 155–163.

¹³ Поскольку номера соответствуют предварительному составу тома, уточнить, о чем идет речь, не представляется возможным.

¹⁴ ИРЛИ. Ф. 387. № 302. Л. 25.

¹⁵ «Три основных вопроса встают при издании собраний сочинений: вопрос объема, расположения и комментария» (*Томашевский Б. В.* Писатель и книга: Очерк текстологии. [Л.], 1928. С. 193).

¹⁶ «Настоящее полное собрание сочинений Пушкина в шести томах дает текст всех произведений писателя, в том числе и не получивших окончательной обработки и сохранившихся в черновиках. Не включены в настоящее издание работы Пушкина, не являющиеся его сочинениями (записи народных песен, документы к истории Пугачевского бунта, составившие приложение), и не воспроизводятся, за небольшими исключениями, рукописные варианты к белым текстам. Все не входящие в шеститомное издание текстовые материалы найдут место в выпускаемом Госиздатом большом, двенадцатитомном издании полного собрания сочинений Пушкина. В нем же будет дана и история пушкинского текста. В настоящее издание будет включен окончательный текст произведений Пушкина. Текстологическая мотивировка будет дана в упомянутом двенадцатитомном собрании сочинений Пушкина» (*КН*. Т. 1. С. 5).

¹⁷ ИРЛИ. Ф. 387. № 418. Л. 14.

«Коллективное» (№ 453–460) и «Dubia» (№ 461–512). Все разделы имеют внутреннюю годовую рубрикацию. Принципы распределения произведений по разделам сформулированы не были. Особенно субъективным выглядит распределение материала между разделами «Неоконченное и неотделанное» и «Черновые наброски». Второй том включает стихотворения 1826–1836 годов (№ 513–877) и сказки, сохраняя рубрикацию, принятую в первом томе.

Взгляды самого Томашевского на архитектуру современных изданий Пушкина вполне выразились в подготовленных им совместно с К. И. Халабавским «Стихотворениях» Пушкина в 2 частях в серии «Народная библиотека» и в однотомнике «Сочинений» 1924 года, в брошюре «Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения» (1925) и работе «Писатель и книга. Очерк текстологии» (1928). В определенном смысле Томашевский шел вслед за М. Л. Гофманом, который в своей книге 1922 года «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине» четко, хотя и, по своему обыкновению, очень пафосно сформулировал проблему: задача сохранения творческого наследия писателя состоит не только в публикации каждой его строчки, но и в бережном сохранении его творческого облика, также являющегося несомненной эстетически значимой величиной.¹⁸

Гофман первым выступил с теоретическим отвержением принципов изчерпывающей полноты и хронологического расположения материала, исторически определившихся в течение второй половины XIX века как доминирующие в собраниях сочинений классиков. На практике свои взгляды он частично реализовал в 1919 году, выпустив в Чернигове «Стихотворения Александра Пушкина». Издание было предназначено широкому кругу читателей, и в предисловии Гофман заявлял, что «полное собрание стихотворений, являясь необходимым для научного изучения жизни и творчества Пушкина, не только ненужно и излишне, но и вредно для чтения произведений Пушкина с целью получить художественное удовольствие и составить себе цельное представление о цельной поэтической личности Пушкина».¹⁹ Пушкинская лирика была расположена в соответствии с вышедшими при жизни поэта четырьмя частями «Стихотворений Александра Пушкина» (1829, 1832 и 1835); далее следовал отдел «Дополнение», где были помещены опубликованные стихотворения Пушкина, не вошедшие в его собрание (из лицейских стихотворений вошло только «Воспоминания в Царском Селе»), и стихотворения, напечатанные после выхода четвертой части, все завершённые стихотворения 1834–1836 годов, политические стихотворения, некоторые стихотворения «глубоко интимного характера» и (единственное незавершённое) «Была пора, наш праздник молодой...». Гофман, таким образом, предлагал читателю все то,

¹⁸ «Читателю должен быть прежде всего ясен лик поэта, его подлинно-поэтическое творчество, — писал Гофман. — Вряд ли, однако, может составить себе читатель представление о лике поэта по таким распространенным полным собраниям сочинений Пушкина, в которых искажены высшие и совершеннейшие создания пушкинского гения и перемешаны с неудачными, неудавшимися стихами, со случайными экспромтами, со стихотворными отрывками из писем, с шалостями, облеченными в стихотворную форму, со стихотворениями — не созданиями поэтического гения, а применением поэтом своих технически-поэтических знаний, с незавершёнными, незаконченными произведениями, а то и просто черновыми набросками, в коих автор-поэт сотрудничает с неприглашенным им автором-редактором „полного собрания сочинений“. <...> Неужели поэт не имеет права на то, чтобы в потомстве сохранился его подлинно-поэтический лик „взыскательного художника“, не имеет права сам оберегать свой священно-поэтический огонь на своем алтаре? Неужели не имеет права поэт скрыть от читателя свои черновые тетради, свои неосуществленные замыслы, свои неудачные и незаконченные стихи, не имеет права зачеркнуть хотя бы ¼ всего, что он написал?» (Гофман М. Л. Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. 2-е изд. Пг., 1922. С. 52–53).

¹⁹ Пушкин А. С. Стихотворения. Чернигов, 1919. С. XXXVII.

что сам Пушкин считал достойным печати или мог бы напечатать при иных жизненных обстоятельствах (скажем, при отсутствии цензуры), при этом признавая, что в составленном им «Дополнении» могла сказаться «известная неизбежная доля субъективизма, личного вкуса».²⁰ Необходимость публиковать весь пушкинский материал, в том числе и черновой, Гофманом не отрицалась, он только считал, что место этого материала в специальных изданиях, а не в собраниях сочинений поэта.²¹

Томашевский в однотомнике 1924 года независимо от черниговского издания Гофмана²² предложил сходное по идее композиционное решение собрания. В противовес хронологическому принципу расположения материала им был выдвинут принцип «исторический»: «...наиболее приблизиться к тем формам издания, в которых произведения издаваемого автора появлялись при его жизни».²³ «Настоящее издание имеет целью соединить исключительно художественные произведения Пушкина приблизительно в том составе, в каком поэт мыслил свое собрание в 30-ых годах», — писал он в предисловии. Цель «дать историческое представление о творчестве Пушкина» диктовала отбор материала: составителями были исключены «все черновики, наброски, интимные послания, эпиграммы и проч., не предназначавшиеся к широкому распространению», «все произведения, отвергнутые самим поэтом по эстетическим мотивам» (*Пушкин 1924*, с. XV).

Сохранившиеся в бумагах Пушкина списки произведений и планы позволяют сделать некоторые предположения, как бы сам поэт группировал и располагал материал, хотя ни один из них не может быть признан окончательным и не может быть принят современным издателем к безусловному исполнению.²⁴ Так, прозаические произведения включены (без какой-либо конкретизации) только в два последние по времени плана. Распределение материала по томам: группировка «Евгения Онегина» то с «Полтавой», то с «Домиком в Коломне» и «Анджело»,²⁵ а «Бориса Годунова» и драматических произведений с «мелкими стихотворениями» (лирикой),²⁶ — вероятно, во многом определялось стремлением к равновеликости томов.

²⁰ Там же. С. XXXIX.

²¹ Относительно самого пушкинского текста Гофман не считал нужным буквально следовать прижизненным изданиям. Он восполнял по своему усмотрению цензурные купюры (или те места, где их предполагал): так, стихотворение «Деревня» напечатано целиком, тогда как в пушкинских изданиях печаталась только первая часть под заглавием «Уединение», в стихотворении «К Овидию» последние два стиха заменены на имевшиеся в первом беловом автографе («Но не унижил ввек изменой беззаконной / Ни гордой совести, ни лиры непреклонной») и т. д. Гофман также был категорическим противником раскрытия имен в заглавиях и посвящениях стихотворений, видя и в этом «нарушение воли художника, исключаящего из своих стихотворений все случайное и временное» (Там же), и отсылал читателя за разъяснениями к комментариям.

²² В своем обзоре 1934 года Томашевский пишет, что знает это издание только по упоминаниям в работах Гофмана (см.: *Томашевский Б. В.* Издания стихотворных текстов // Лит. наследство. 1934. Т. 16–18. С. 1076).

²³ *Томашевский Б. В.* Писатель и книга. С. 196.

²⁴ Известные шесть пушкинских планов собрания своих сочинений составлены не ранее 1830 года: ПД 714 (I); ПД 839. Л. 70 (II); ПД 839. Л. 65 (III); ПД 715 (IV); ПД 845. Л. 23 (V) и ПД 1037. Л. 4 об. (VI) (см.: *Рукою Пушкина: Выписки и записки разного содержания. Официальные документы* / Отв. ред. Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев. 2-е изд., перераб. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1997. Т. 17 (доп.). С. 182–185, 188–193, 201–202, 204). Анализ I–V планов см. также: *Якубович Д. П.* Пушкинские планы полного собрания его сочинений // Вестник АН СССР. 1934. № 2. Стб. 40–47.

²⁵ Планы II и III vs план V.

²⁶ Планы III–V (в V при этом почему-то назван только «Борис Годунов» и отсутствует значившееся в предыдущих планах указание на «драматические сцены», т. е. «Маленькие трагедии»).

Любые исследовательские попытки реконструировать «идеальный» состав пушкинского собрания неизбежно будут нести элемент субъективности. Не вызывает сомнений, что Пушкин видел в его составе поэму «Медный всадник», оставшуюся ненапечатанной только по цензурным соображениям.²⁷ Цензурные условия делали совершенно невозможной и публикацию «Сказки о попе и о работнике его Балде», которую Пушкин, тем не менее, последовательно перечислял в числе своих «простонародных сказок».²⁸ В то же время на намерение Пушкина печатать «Каменного гостя» нет столь же отчетливых указаний.²⁹

Г. О. Винокур приветствовал одномомник Томашевского и Халабаева как издание новаторское, «знаменующее собою несомненный поворот в сторону от рутины и уже по одному этому заслуживающее всяческого внимания», как «новое слово не только в области пушкиноведения, но и вообще в области критики композиции художественных текстов».³⁰ Впрочем, чистого эксперимента у издателей не получилось. Как свидетельствовал позднее сам Томашевский, первоначальный план предусматривал, кроме основного тома (куда, видимо, должен был войти текстовый материал прижизненных пушкинских изданий и произведений, по разным причинам не напечатанные, но намечавшиеся Пушкиным к публикации), издание двух дополнительных томов, «которые должны были довести состав сочинений Пушкина до некоторой полноты, как с точки зрения круга произведений, так и по охвату чернового материала (вариантов)».³¹ Отказ от дополнительных томов повлек включение в издание произведений, не печатавшихся Пушкиным при жизни и незавершенных, «которые по своему художественному значению никоим образом не могут быть устранены из собрания его художественных произведений» (*Пушкин 1924*, с. XV). Так, Д. П. Якубович признавал, что появление в одномомнике «Дубровского», «Истории села Горюхина», «Арапа Петра Великого», «Египетских ночей» шло вразрез с эдиционным принципом и явилось уступкой «необходимости здоровых запросов школы».³² Окончательная композиция одномомника определилась в результате ряда компромиссов, и его внутреннее деление оказалось довольно дробным: в части мелких стихотворений за произведениями, вошедшими в состав четырех частей прижизненных «Стихотворений» (1829, 1832, 1835), следовали разделы: «Политические стихотворения Пушкина»,³³ «Стихотворения, напечатанные при жизни Пушкина, но не вошедшие в собрание стихотворений 1829–1835 гг.»,³⁴ «Стихотворения, из-

²⁷ Вписана в составленный между ноябрем 1830 и июлем 1831 года план IV; в более поздний (1834) план V поэма уже не включена.

²⁸ См. их перечень, приписанный на плане V, также список на последней странице автографа «Сказки о золотом петушке»: ПД 972. Л. 8 об.

²⁹ По мнению Д. П. Якубовича, впрочем, приблизительный подсчет строк (1000) в пункте «Драматические сцены 1830» плана IV предполагал публикацию всех четырех «маленьких трагедий» (см.: *Якубович Д. П.* Пушкинские планы полного собрания его сочинений. Стб. 45).

³⁰ *Винокур Г. О.* Критика поэтического текста. М., 1927. С. 113, 118.

³¹ *Томашевский Б. В.* Издания стихотворных текстов. С. 1064.

³² *Якубович Д. П.* Издания текстов художественной прозы // Лит. наследство. Т. 16–18. С. 1118.

³³ Пять стихотворений: «Вольность», «Кинжал», «Недвижный страж дремал на царственном пороге...», «Послание цензору» и «Второе послание цензору». Послание «К Чедаеву» («Любови, надежды, тихой славы...»), принадлежность которого Пушкину в этот момент горячо оспаривалась М. Л. Гофманом (см.: *Гофман М. Л.* Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. С. 119–127), не было включено как на этом основании, так и из-за отсутствия точного текста, дошедшего только в не вполне исправных и расходящихся в ряде чтений копиях. Стихотворение было добавлено в раздел «Приложения» во втором издании (1925).

³⁴ Исчерпывающая полнота этого раздела обеспечивалась хронологическим указателем произведений Пушкина, напечатанных при его жизни, Н. А. Синаевского и М. А. Цявловского

вестные по автографам Пушкина, не напечатанные при его жизни»,³⁵ «Стихотворения, напечатанные после смерти Пушкина, не известные в автографах». ³⁶ Несколько более композиционно выдержанным выглядело двухчастное отдельное издание мелких стихотворений Пушкина, вышедшее в том же году в серии «Народная библиотека». «В основу издания положены собственные сборники Пушкина, которые воспроизведены полностью, за исключением драматических произведений и сказок, входивших в третью и четвертую часть прижизненного издания Пушкина.»³⁷ Стихотворения пополнены двумя отделами: вещами, не вошедшими в сборники, но напечатанными, и вещами, сохранившимися в рукописях, но не напечатанными, и следовательно, относительно которых нет уверенности, что Пушкин считал возможным печатать их именно в таком виде».³⁸

Движение к восстановлению исторического «творческого лика» Пушкина, начатое Гофманом и Томашевским, получило теоретическое обоснование в книге Г. О. Винокура «Критика поэтического текста». Композиция собрания сочинений рассматривается здесь как часть исследовательского «критического акта»: «Практически разрешение этой проблемы сводится к ответу на два вопроса: 1) какие отдельные тексты данного писателя входят в собрание его сочинений как особую художественную (не издательскую!) форму и какие остаются за границами собрания; 2) как должны быть расположены эти отдельные тексты внутри собрания. <...> С точки зрения критики задача теперь заключается в том, чтобы выяснить, действительно ли художественные основания, а не какие-либо иные, для поэзии посторонние, определяют собою тот состав собрания сочинений, который дан самим автором. И здесь таким образом речь идет не о „воле автора“, как механическом принципе, а о художественной критике, направленной на цельный контекст литературного наследства изучаемого писателя».³⁹

Признавая важность прецедента, созданного однотомником Томашевского и Халабаева, Винокур тем не менее подверг издание критике за композиционную дробность и методологические принципы отбора текстов, а также поставил под сомнение правомерность ориентации на прижизненные четыре части стихотворений, положенные Томашевским в основу композиции. «...Четыре части стихотворений, напечатанные самим Пушкиным (в особенности это приходится сказать по отношению к совершенно бессистемной и хаотической четвертой части), ни в какой мере не отражают действительного лирического наследства Пушкина и лишены той внутренне-закономерной композиции, которая заставляла бы считаться с ними как с законченной и цельной формой», — не без оснований замечал Винокур.⁴⁰ Он признавал при этом, что вопрос о композиции пушкинских собраний достаточно сложен, поскольку сам Пушкин, как кажется, не ставил перед собой отчетливо композиционных

«Пушкин в печати. 1814–1837» (М., 1914). Впрочем, Томашевский включил сюда только стихотворения, написанные и напечатанные после 1825 года, считая все напечатанное Пушкиным в журналах и альманахах и не включенное в первый его сборник — «Стихотворения Александра Пушкина» 1826 года — отвергнутым «по художественным соображениям» (*Пушкин 1924*, с. 484).

³⁵ 36 хрестоматийных стихотворных текстов 1828–1836 годов.

³⁶ 9 стихотворений.

³⁷ «Пир во время чумы», «Моцарт и Сальери», «Сказка о царе Салтане» в третьей части «Стихотворений Александра Пушкина» (1832) и «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», «Сказка о золотом петушке» и «Сказка о рыбаке и рыбке» в четвертой части (1835).

³⁸ *Томашевский Б. В.* Издания стихотворных текстов. С. 1078–1079. Томашевский, впрочем, отмечал, что издание было встречено неоднозначно. В частности, вызвал определенные возражения выбор дополнений к основному отделу (см.: Там же. С. 1079).

³⁹ *Винокур Г. О.* Критика поэтического текста. С. 111, 112.

⁴⁰ Там же. С. 116.

задач.⁴¹ Впрочем, один пример явно выраженного пушкинского «художественного принципа» Винокуром был справедливо отмечен: по замыслу поэта его собрание сочинений должно было открываться томами поэм.⁴² «Это всецело гармонирует с поэтикой пушкинской эпохи, для которой сам Пушкин был прежде всего поэтом крупных жанров».⁴³ Порядок «лирика — поэмы — „Евгений Онегин“ — драмы — проза» был введен изданием П. В. Анненкова (1855) и принят с некоторыми вариациями во всех последующих.⁴⁴ Первое место, отведенное лирике в однотомнике 1924 года, по признанию самого Томашевского, было «невольной уступкой традиции».⁴⁵ В третьем издании однотомника (1928) Томашевский изменил композицию, поставив на первое место именно поэмы.

Насколько мало проблемы композиции интересовали М. А. Цявловского, видно уже из того, что образцом, от которого он отправлялся в «краснонижском» издании, было избрано так называемое венгеровское собрание сочинений,⁴⁶ построенное по хронологическому принципу, доведенному, по замечанию того же Винокура, «почти до абсурда». 16 мая 1930 года Томашевский высказывает свои опасения относительно «краснонижского» издания Т. Г. Цявловской в декларативном письме, которое мы приводим полностью.

«16. V. <19>30

Глубокоуважаемая Татьяна Григорьевна

Благодарю Вас за деньги (50 р.). Ашукину⁴⁷ скажите, что по моему мнению следует „в тени“. Общепринятое „в тиши“ я считаю опечаткой.⁴⁸

Теперь по существу. Вы сердитесь — это хорошо; я люблю темпераментные споры. Но прежде чем спорить о деле, я хочу возразить на личные обвинения, в Вашем письме содержащиеся. М<ожет> б<ыть>, я во многом был неправ, — но лишает ли это меня права говорить теперь: ведь впереди еще 5 томов и 12-томное издание, поэтому, если я окажусь в чем-нибудь прав, то, м<ожет> б<ыть>, это будет к пользе дела.

Почему я раньше всего этого не говорил. По трем причинам.

1) Моя точка зрения на издания мной выражалась неоднократно: в моих брошюрах и в однотомнике. Если М<стислав> А<лександрович> с этим не

⁴¹ «Самый осторожный путь для воспроизведения его сочинений, — писал Винокур, — на мой взгляд, заключается поэтому в том, чтобы помещать в основной отдел его лирики все законченные и цельные стихотворения, независимо от того, дошли ли они до нас только после смерти поэта и не оставались ли они забытыми им при составлении сборников. Только в тех случаях, где у нас есть прямые свидетельства, что стихотворение забраковано по художественным соображениям, как, напр<имер>, по отношению к большинству лицейских стихотворений, мы можем руководиться указаниями прижизненного собрания в четырех частях» (Там же).

⁴² Об этом однозначно свидетельствуют все известные планы.

⁴³ Там же. С. 121–122.

⁴⁴ Это впоследствии указывал и Д. П. Якубович (см.: *Якубович Д. П.* Пушкинские планы полного собрания его сочинений. Стб. 46–47).

⁴⁵ Признание, сделанное Томашевским в устной беседе с Винокуром (см.: *Винокур Г. О.* Критика поэтического текста. С. 122).

⁴⁶ *Пушкин А. С.* [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.; Пг.: Изд. Брокгауза–Ефрона, 1907. Т. 1; 1908. Т. 2; 1909. Т. 3; 1910. Т. 4; 1911. Т. 5; 1915. Т. 6.

⁴⁷ Ашукин Николай Сергеевич (1890–1972) — писатель и пушкинист; для издания *КН* написал статью «Как работал Пушкин» (Т. 3. С. 7–33).

⁴⁸ Речь идет о ст. 13–14 строфы LV первой главы «Евгения Онегина»: «Провел в бездействии, в тени / Мои счастливейшие дни». Так читаются эти стихи в беловом автографе (ПД 930. Л. 26). Л. С. Пушкин, переписывая первую главу при подготовке ее к печати, допустил случайную ошибку: «Провел в бездействии, в тиши» (ПД 153. Л. 27). Эта ошибка осталась незамеченной Пушкиным при просмотре копии, и в результате искаженный стих, нарушающий рифму, появился в первом издании первой главы (1825) и переходил далее из одного издания в другое. Ошибка была исправлена Б. В. Томашевским в однотомнике 1924 года.

согласен, то что же я могу сказать еще нового в теоретическом плане. Говорить приходится только теперь, когда моим взглядам противопоставлен конкретный план, воплощенный во всех деталях.

2) Присланному списку я не уделил достаточно внимания, т<ак> к<ак> а) рассматривал его как список, а не как план издания; б) не имел времени приняться за него вплотную и серьезно; в) не имею обыкновения вмешиваться в проблемы построения и композиции чужого издания, не будучи на то уполномочен. Правда, последний аргумент остается как будто и сейчас, и Ваше дело — заставить меня и сейчас принимать его во внимание. Я думал, что мое дело — указания на чисто фактическую сторону: подлинность произведения, текста, источник, даты и т. п.

3) Почему я теперь пишу? Потому, что я увидел общую композицию II тома (кстати, я также против композиции первого тома, в кот<ором> имеются все ошибки композиции, не менее бросающиеся в глаза).

Должен сказать, что моя точка зрения радикально расходится с точкой зр<ения> М<стислава> А<лександровича>, но полностью я ее сейчас защищать не буду, т<ак> к<ак> она очевидно останется неразделенной, а потому ее изложение превратится в академическое словопрение. Кстати, эта точка зрения мной достаточно ясно изложена в книге по текстологии, на кот<орую> М<стислав> А<лександрович> задолго до кр<асно>нив<ского> издания обещал прислать замечания. Однако не прислал в свое время. Почему же теперь он удивляется, что я продолжаю стоять на прежней позиции? Как видите — Ваше обвинение в несвоевременности моей полемики одинаково применимо и к М<стиславу> А<лександровичу>.

Итак — давайте оставим личные упреки и не будем усматривать в темпераментных формах моих возражений желания лично кого-ниб<удь> уколоть. Я видел и знаю работу М<стислава> А<лександровича> и Вашу и очень их ценю. Я привык видеть и в М<стиславе> А<лександровиче> и в Вас — близких союзников по работе над Пушкиным и считаю, что наши разногласия лишь характеризуют жизненность возникающих проблем. Поэтому еще раз прошу рассматривать мои замечания как *дружеские*. Поэтому мне бы не хотелось, чтобы мои письма читались с *неприятным* чувством, как Вы изволили выразиться. Но следует ли мне скрывать разногласия или воздерживаться от того, чтобы сообщать их Вам? Решите сами.

Итак — к делу. Прежде всего позвольте выразиться образно. Пушкин построил здание отличной архитектуры, хотя бы и недостроенное в деталях. Вы его раскатали по бревнам, ведете нас на лесной склад и говорите — здесь все, сделанное Пушкиным.

Теперь по существу Ваших замечаний.

Для полного издания нет необходимости в сотне рубрик. Но основные рубрики должны быть сохранены. Можно только 1) исправить и заключить пушкинский корпус, устранив из него все временное (стихотв<орения>, исключенные цензурой или по личным соображениям не включенные перед смертью, должны быть введены). 2) Дополнить новыми рубриками, не слишком дробными, но и не слишком широкими. В этом случае не лишним является поучиться у Анненкова (имею в виду его «Материалы»⁴⁹), особенно для некомментируемого. Строчка редакторского текста перед отрывочком много ценнее цифры, отнимающей столько же места (говорю без всякой иронии).

⁴⁹ Подразумевается книга П. В. Анненкова «Материалы для биографии А. С. Пушкина» (СПб., 1855), первоначально составившая первый том опубликованного им собрания сочинений Пушкина (2-е, отд., изд.: СПб., 1873), где широко использовался не вошедший в само издание материал черновых рукописей Пушкина.

Что такое пушкинская бухгалтерия? — Стремление к полному учету отрывков, без всякого желания дать действительно написанное. Вы гордитесь тем, что не даете варианта к „Стамбулу“.⁵⁰ Очень плохо делаете. Четыре строчки ценнее такого, как „Мме Ризнич с римским носом“,⁵¹ „Когда б родилась ты“⁵² или „Дева залетит“.⁵³ Бухгалтерией называю перечневое (все равно алфавитное, хронологическое или нумерное) расположение материала, в котором разрушается структура собрания сочинений. Нумерация — последнее дело, хотя, конечно, она неприятна с чисто типографской точки зрения. Ведь в пушкинских изданиях она гораздо лучше сделана.

Включение отрывков из писем в отдел законченных стихотворений, конечно, незаконно. Ведь отрывки эти так, как они напечатаны, конечно, незаконченные вещи — нет контекста. Письма все-таки не сочинения и врываются в основной корпус только ценой его разложения. Дать их надо, но не в корпусе и обязательно *поясняя* здесь же, раз от них насильственно оторван контекст.

Вообще — что такое законченное и незаконченное. Не все, над чем Пушкин „работал“, т. е. к чему он набрасывал черновик, — его законченные произведения. Это была просто манера письма.

Нужно различать признанное и непризнанное, т. е. обращенное к читателям, литературное и частное, интимное, лабораторное и т. п. В одном П<ушкин> публичен, а литература есть социальная форма публичного слова. В другом никакой литературы нет; в лучшем случае литературность. Границы литературы меняются. Устанавливаются они историческим изучением, а для этого недостаточен палеографический анализ тетрадей, необходимо осмысление образа Пушкина в его современной функции. Далее — разные вещи за-

⁵⁰ Речь идет о четырех стихах (между ст. 29 и 30), вычеркнутых в беловом автографе (ПД 917) стихотворения «Стамбул гяуры нынче славят...» (1830): «В нас Ум владеет плотью дикой, / А покорен Корану Ум — / И потому Пророк великой / Хранит как око свой Арзрум». Эти четыре стиха впервые были напечатаны еще в издании П. В. Анненкова в примечаниях к стихотворению.

⁵¹ Двустиишие «Мадам Ризнич с римским носом...» из пушкинских стихов на некоторых одесских дам, бывших на бале у графа Воронцова, известное по воспоминаниям И. П. Липранди и впервые введенное в корпус пушкинских стихотворений в издании под редакцией С. А. Венгерова (*Пушкин А. С.* [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. Т. 2. С. 260).

⁵² Две отдельно записанных и зачеркнутых строки «Когда б ты родилась» и «Когда б родилась ты» находятся в рабочей тетради Пушкина ПД 836 (л. 1 об.). Впервые напечатано В. Е. Якушкиным (*Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // *Русская старина.* 1884. № 6. С. 534). В *КН* напечатано в разделе «Черновые наброски» (Т. 1. С. 366); датировано предположительно 1825 годом (см.: *КН.* Т. 2. С. 315). После печаталось в собраниях сочинений Пушкина как отдельный набросок до «Большого академического» издания, где было связано Н. В. Измайловым с замыслом стихотворения «Рифма, звучная подруга...», черновой автограф которого находится в тетради ПД 838, впрочем, с оговоркой, что эту запись «лишь предположительно можно считать наброском к ст. 25» (*Пушкин.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 667, 1166).

⁵³ Речь идет о приписывавшемся Пушкину двустиишию: «Дева, ног не топырь / Залетит нетопырь». Впервые с купорами напечатано В. Я. Брюсовым в изд. «Письма Пушкина и к Пушкину» (М., 1903. С. 156). В *КН* напечатано в т. 2 (с. 78) в разделе стихотворений 1829 года в виде: «Дева, - - - - / Залетит - - - -». В алфавитном указателе стихотворений в конце тома, содержащем краткие сведения об источнике текста и датировке (*КН.* Т. 2. С. 303), принята предложенная Н. О. Лернером в «венгерском» издании (*Пушкин А. С.* [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. Т. 6. С. 195) датировка предположительно 1827–1829 годами. Сохранено в корпусе пушкинских текстов в ГИХЛ'овском переиздании «краснониевского» шеститомника. Из последующих собраний исключено на основании экспертизы Л. Б. Модзалевского, установившего, что рукопись, содержащая это двустиишие (ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 20. № 130), писана Л. С. Пушкиным. См.: *Модзалевский Л. Б.* Мнимые экспромты Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. [Т. 1]. С. 219–220; *Дубровский А. В.* «Мнимый Пушкин» (Прижизненные списки эротических стихотворений и экспромтов, приписывавшихся Пушкину) // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2005. Вып. 30. С. 319–320.

конченное по тексту и законченное по композиции. В композиции мы имеем фрагмент, кот<орый> м<ожет> быть совершенно закончен по тексту. Перевод „Девственницы“, ⁵⁴ конечно, должен остаться среди законченных вещей, хотя и является фрагментом. Таков же монолог из Альфиери⁵⁵ и „Русалка“, и „Арап <Петра Великого>“, и „Евг<ений> Онег<ин>“ (где осталось недоделанным очень многое). Не забудьте культуру фрагмента в эпоху Пушкина. У фрагмента может не хватать конца или начала, но на своем протяжении он дает сведенный текст. „Странник“ — конечно, законченный фрагмент,⁵⁶ равно как и перевод из „Валленрода“⁵⁷ и многие „отрывки“, печатавшиеся Пушкиным. То же самое „Лицейская годовщина“⁵⁸ — оборванная, но в пределах написанного — законченная. Об „Опричнике“⁵⁹ мне труднее говорить — не изучал, но принципиально, — конечно, фрагмент, но законченный. Он оборван, и последний стих черновой, но вещь все же законченная. Итак — не надо смешивать *фрагмента* с законченностью текста. Как отличить фрагмент от отрывка бесформенного? Понятно не статистически, не путем анализа бумаги и почерка и не каким-ниб<удь> другим псевдо „объективным“ методом. Художественные вещи требуют художественного восприятия, а здесь только в порядке полемизма можно затягивать споры. Вообще — как можно меньше механичности и боязни „субъективизма“. Достаточное знакомство с литературным образом Пушкина сведет возможные разногласия до сущих пустяков. Так, напр<имер>, пустяковым разногласием является вопрос — можно ли рядом в пределах одного корпуса печатать две редакции одного стихотворения. Я считаю, что нельзя, как бы ни были хороши обе редакции.

Основания считать „Странник“ законченным фрагментом таковы: „Странник“ имеет завершенное стихотворное изложение замкнутого эпизода. Художественная целостность отрывка несомненна — реконструкция текста не вызывает серьезных возражений. Другое дело было бы, если при законченности художественного замысла реконструкция текста была бы произвольная (при крайне черновом состоянии автографа, напр<имер>, «Сводня»⁶⁰).

⁵⁴ «Начало I песни „Девственницы“» («Я не рожден святыню славословить...») (1825) — перевод первых стихов поэмы Вольтера «Орлеанская девственница» («La Pucelle d'Orléans», первое авторизованное изд. 1762). Беловой с поправками автограф: ПД 835. Л. 85 об. В *КН* напечатано в разделе «Неоконченное и неотделанное» (Т. 1. С. 362).

⁵⁵ «Из Alfieri» («Сомненья, страх, порочную надежду...») (1827). Перебеленный с поправками автограф: ПД 836. Л. 33 об. В *КН* напечатано в разделе «Неоконченное и неотделанное» (Т. 2. С. 167).

⁵⁶ «Странник» (1835) в *КН* напечатан в разделе «Неоконченное и неотделанное» (Т. 2. С. 198). Сводный текст реконструируется по беловому, черновому и перебеленному автографам (ПД 984, ПД 981 и ПД 982). В *Пушкин 1924* напечатан Томашевским в разделе «Стихотворения, известные по автографам Пушкина, не напечатанные при его жизни».

⁵⁷ Стихотворение «Сто лет минуло, как тевтон...» (1828) — перевод начала вступления к поэме А. Мицкевича «Конрад Валленрод» («Konrad Wallenrod», 1828), напечатанный в «Московском вестнике» (1829. Ч. 1) под заглавием «Отрывок из поэмы Мицкевича: Конрад Валленрод». Вошел во вторую часть «Стихотворений Александра Пушкина» (1829). В *КН* помещен в отдел завершенных стихотворений (Т. 2. С. 46).

⁵⁸ Стихотворение «Была пора: наш праздник молодой...» (1836), озаглавленное В. А. Жуковским «Лицейская годовщина» в посмертной публикации в «Современнике» (1837. Т. 5). Перебеленный с поправками, не дописанный до конца автограф: ПД 992. В *КН* помещено в раздел «Неоконченное и неотделанное» (Т. 2. С. 209). В *Пушкин 1924* напечатано Томашевским в разделе «Стихотворения, известные по автографам Пушкина, не напечатанные при его жизни».

⁵⁹ Стихотворение «Какая ночь! Мороз трескучий...» (1827). Перебеленный с поправками автограф: ПД 836. Л. 18–19; последний стих неполный, далее следует строка отчерков. Под заглавием «Опричник. Отрывок» было впервые напечатано П. А. Плетневым в 1838 году в «Современнике». В *КН* помещено в раздел «Неоконченное и неотделанное» (Т. 1. С. 351) с неверной датировкой 1824 годом.

⁶⁰ Стихотворение «Сводня грустно за столом...» (1827) печатается по черновому автографу (ПД 836. Л. 26–26 об.). В издание *КН* не введено. Основания этого пропуска неясны. Стихотворение

Хотел ли Пушкин продолжать развивать свой замысел или нет — не влияет на законченность того, что написано. „В начале жизни“⁶¹ не может возбуждать никаких споров — фрагмент вполне законченный. Вы применяете палеографический принцип — отдельные слова зачеркнуты. Но ведь это показывает, что Пушкин продолжал работать. А можете ли вы сказать, что в самые законченные произведения он не продолжал бы вносить поправок. Ведь в 1828 г. он внес поправки в законченный текст „Руслана и Людмилы“. В 1833 он поправлял законченного „Онегина“, да и в изд<ании> 1837 г. есть кое-что. С этой точки зрения ничто не закончено, т<ак> к<ак> все могло быть поправлено. Что такое зачеркивание? Это не механический жест проведения пером по бумаге, а акт, которым автор выражает желание изменить или отменить ранее написанное. А этот акт может воплощаться в разных формах. Напр<имер> — П<ушкин> мог надписать просто: „не надо“, т. е. совсем отвергнуть вещь, — Вы бы ее напечатали в незаконченном. П<ушкин> мог просто скомкать листок и бросить — у Вас он будет законченным, а П<ушкин> считал его даже не стоящим переработки. Надо останавливаться не на механических формах, а на существе выраженного на бумаге чертами. Как Вы можете утверждать, что текст, кот<орый> хотел П<ушкин> еще подработать, является сам по себе незаконченным? Это, простите, недоказуемо. А почему туда же попадает „Талисман“?⁶²

Итак, законченность и фрагментарность — разные вещи. Законченность текста определяется не палеографическим методом, а существом дела.

Введу я или не введу „Блажен кто...“,⁶³ я сейчас не могу сказать, т<ак> к<ак> еще подумаю. Но понятно, что более или менее осмысленные фрагменты введу, а такие вещи, как „Мне Ризнич“ и „Когда б родилась ты“ не введу. В данном случае безразлично — есть ли это часть общей композиции (в таком случае — тем лучше, т<ак> к<ак> читатель получает не только текст, но и помогающий восприятию контекст) или не удалось определить, к чему это относится. Считать, что „Когда б родилась“ надо печатать, а фрагмент в 4–8 стих<ов> не надо, потому что одно — „отдельный замысел“, а другое — подчинено общей композиции большого произведения, и есть то, что я называю бухгалтерией, венгеровщиной.

Почему не состоялось совещание? Спросите главных редакторов — Д. Бедного, А. В.,⁶⁴ Соловьева. Почему мы, редакторы издания, даже в глаза не видали этих с позволения сказать главных? Щеголев, понятно, виноват, что начал издание без плана. Но я бы на его месте устраивал это не путем со-

до этого входило в издание под редакцией П. А. Ефремова 1903–1908 годов, в Академическое издание, в издание под редакцией С. А. Венгерова и в издание В. Я. Брюсова.

⁶¹ Сводный текст стихотворения «В начале жизни школу помню я...» (1830) реконструируется по боровому с поправками и черновому автографам (ПД 142 и ПД 143). В *КН* помещено в «Неоконченное и неотделанное» (Т. 2. С. 182). В *Пушкин 1924* приведено Томашевским в разделе «Стихотворения, известные по автографам Пушкина, не напечатанные при его жизни».

⁶² Стихотворение «Храни меня, мой талисман...» (1824–1825). Перебеленный с поправками, переходящий в черновой автограф: ПД 90. В *КН* напечатано в отделе «Неоконченное и неотделанное» (Т. 2. С. 168) с неверной датировкой 1827 годом.

⁶³ Предположительно имеется в виду отрывок, указанный еще В. Е. Якушкиным (*Якушкин В. Е. Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // Русская старина. 1884. № 7. С. 17*) и достаточно полно (хотя и неточно) напечатанный в издании В. Я. Брюсова: «Блажен, кто счастлив без волнения, / Кто наслаждаться мог один / И был невольного влечения / Самолюбивый властелин», и т. д. (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. и 6 ч. М.: ГИЗ, 1919. Т. 1. Ч. 1. С. 255*). Брюсов осторожно отнес набросок к «Евгению Онегину». С ним согласился М. А. Цявловский, не включивший на этом основании набросок в тома стихотворений *КН*. Речь могла идти о том, стоит ли вводить набросок в черновые материалы, помещаемые в приложениях к «Евгению Онегину» в четвертом томе издания, редактором которого был Томашевский.

⁶⁴ Луначарского.

вещания, а путем единолично составленной инструкции. Коллегиальный характер в издании собр<ания> соч<инений> до сих пор давал практически отрицательные результаты.

Вот мои оправдания и мои обвинения.

Кстати — считаю неправильным еще след<ующее>: 1) смешение в отделе „Dubia“ сомнительных по принадлежности и сомнительных по тексту; неотчетливое распределение dubia по тексту между этим отделом и основным текстом; 2) отсутствие отдела неизвестных годов, что создает насильственную и неосновательную датировку многих стихотворений.

Привет. Полемике согласен продолжить, если она не вызывает обид. Я бы считал подобные споры очень полезными для обеих сторон». ⁶⁵

Параллельно с «краснониевским» шеститомник начал выходить другим изданием, по особой подписке.⁶⁶ В издание были внесены исправления и изменения, впрочем, весьма незначительные. Предполагались существенные поправки и дополнения в «Путеводитель по Пушкину», редактировавшийся после смерти П. Е. Щеголева Томашевским вместе с М. А. Цявловским и Д. П. Якубовичем. Однако в силу внутрииздательских причин «Путеводитель» не вышел вообще и издание ограничилось пятью томами. Отсутствие «Путеводителя» объяснялось главным образом невозможностью заключить приемлемый договор с издательством. Об этом Томашевский писал Цявловскому 22 апреля 1932 года: «Многие сотрудники „Путеводителя“ заявили, что пока они не получают денег за первое издание, они пальцем о палец не ударят для второго. Мы с Якубовичем склонны к ним присоединиться. Иначе говоря — если у ГИХЛ’а нет денег, то он может подождать, а т<ак> к<ак> мы привыкли есть ежедневно, или по крайней мере через день, то мы пока снимаем себе пропитание, дабы протянуть свою брэнную жизнь до того момента, пока работа над „Путеводителем“ сама не даст себя прокормить». ⁶⁷

Что касается двенадцатитомного «большого» издания, то сказала ли на его судьбе смерть главных вдохновителей — П. Н. Сакулина (7 сентября 1930 года) и П. Е. Щеголева (22 января 1931 года), или сыграли свою роль нараставшие разногласия и взаимное недовольство внутри редакционного коллектива, но так или иначе оно не состоялось.

* * *

Вопрос об издании полного «академического» собрания сочинений Пушкина вновь был поднят осенью 1932 года, когда в Редакционно-издательский совет (РИСО) Академии наук поступило два издательских плана. Один был подан в сентябре Д. П. Якубовичем от Пушкинской комиссии Академии наук — план особого «юбилейного»,⁶⁸ максимально полного издания. Конкурирующий проект, поданный 25 ноября, принадлежал Н. К. Пиксанову (возглавившему к этому времени Рукописный отдел ИРЛИ) — издание

⁶⁵ ИРЛИ. Ф. 387. № 418. Л. 19–24.

⁶⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, П. Е. Щеголева. М.; Л.: ГИХЛ, 1931. Т. 1–3; 1932. Т. 4; 1933. Т. 5. Кн. 1, 2.

⁶⁷ ИРЛИ. Ф. 387. № 305. Л. 7–7 об. Еще более категоричен был Томашевский в письме к Цявловскому от 18 мая 1932 года, заканчивавшемся постскриптумом: «Пока что я принужден немедленно взять отпуск из Пуш<кинского> Дома, чтобы освободить все свое время для работы оплачиваемой. Такая работа, к счастью, еще существует, но можете быть уверены, что это — не второе издание „Путеводителя“» (Там же. Л. 12–12 об.). 1 августа 1932 года Томашевский официально уволился из Пушкинского Дома.

⁶⁸ Речь шла о мероприятиях, связанных со столетием со дня смерти Пушкина, в 1937 году.

«преакадемического» типа под его редакцией в серии «Академическая библиотека русских писателей». Помимо общего нежелания пушкинистов Москвы и Ленинграда делать еще одно «предварительное» издание и ряда принципиальных несогласий с параметрами пиксановского проекта, тревогу в пушкиноведческом сообществе вызывали некомпетентность и очевидные руководящие амбиции Пиксанова.⁶⁹

24 февраля 1933 года Якубович сообщал М. А. Цявловскому: «Вкратце перескажу все наши новости последнего времени. В беседе с Луначарским⁷⁰ я указал ему, что работа под ответственной редактурой Пиксанова, по мнению всех товарищей, нежелательна и трудна будет. Он обещал „все уладить“. После этого он виделся с Пиксановым и Волгиным.⁷¹ Я тоже говорил с Пиксановым tête-à-tête и с его слов понял, что Волгин категорически требует назначения его, Пиксанова, ответственным редактором акад<емического> Пушкина. Спешно я созвал у себя Томашевского, Оксмана, Тынянова. Мы долго обсуждали положение и постановили (что зафиксировано в протокол<е>, нами всеми подписанном) подчиниться назначению Пиксанова ответств<енным> уполномоченным по изданию и ходатайствовать о созыве пленума Комиссии. На заседании Комиссии под председат<ельством> Луначарского (заседание было открытым и присутствовало много народу) А. В. Луначарский в категорической форме заявил, что назначение Пиксанова Президиумом АН на должность ответственного редактора акад<емического> издания состоялось и *не подлежит обсуждению*. Исходя из последнего соображения, я высказался в том смысле, что Комиссия стояла и стоит на точке зрения необходимости коллективной редакции, но, принимая факт назначения, не может возражать против ответств<енного> уполномоченного, однако считает необходимым срочный созыв пленума. Луначарский приветствовал последнее. Пиксанов заявил, что может быть только ответственным *редактором*, что пленум должен быть *не Комиссии*, а вообще пушкинистов. Я не возражал, конечно. Луначарский указал на желательность двух пленумов: пушкинистов и Пушкинской комиссии. Первого — по акад<емическому> изданию, второго — по другим пушкинским делам. Было постановлено созвать пленум в ИРЛИ на 12 марта (12, 13, с тем, чтобы Пушк<инская> комиссия обсуждала прочие дела 14-го)».⁷²

После разного рода согласований и проволочек Конференция, или, как ее еще называли, Сопровождение, пушкинистов открылась 8 мая 1933 года (см. ил. 1). Накануне, 7 мая, состоялось заседание Пушкинской комиссии с тремя заявленными в повестке дня докладами: 1) М. А. Цявловский, «Ульяновские рукописи Пушкина»; 2) Б. В. Томашевский, «Стихотворные тексты Пушкина за пятнадцать лет»; 3) Д. П. Якубович, «Проза Пушкина за революционное пятидесятилетие». М. А. Цявловский сообщал о приобретенных в 1931 году Ленинской библиотекой автографах Пушкина, принадлежавших симбирскому помещику В. Н. Назарьеву, приятелю П. В. Анненкова.⁷³ Доклады Томашевского и Якубовича, которые легли в основу их обзорных статей, напечатанных в следующем году в пушкинском томе «Литературного наследия», темати-

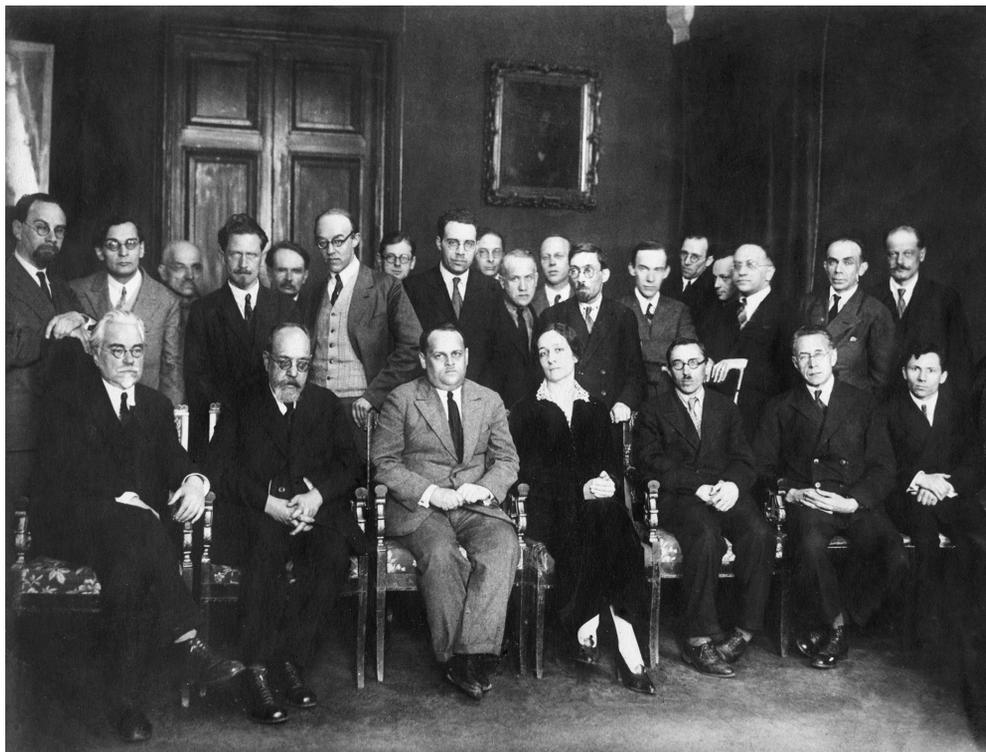
⁶⁹ См. также: Турчаненко В. В. Пушкинская комиссия vs профессор Пиксанов: из истории академического пушкиноведения // *Studia Slavica*. 2020. Вып. 18. С. 64–74.

⁷⁰ А. В. Луначарский с февраля 1931 года занимал пост директора ИРЛИ.

⁷¹ В. П. Волгин — непреходящий секретарь АН СССР в 1930–1935 годах.

⁷² ИРЛИ. Ф. 387. № 364. Л. 12–13 об.

⁷³ Цявловский в то время готовил научную публикацию этих материалов (см.: Труды Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1934. Вып. 3. С. 13–43). О «симбирских рукописях» см. также в научном дневнике М. А. и Т. Г. Цявловских «Вокруг Пушкина»: *Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина* / Изд. подг. К. П. Богаевская, С. И. Панов. М., 2000. С. 89–96.

Илл. 1. Коллективная фотография участников Пушкинской конференции (без Б. В. Томашевского). 10 мая 1933 года. Пушкинский Дом. 1-й ряд (сидят): М. А. Цявловский, А. С. Орлов, Ю. Г. Оксман, Т. Г. Зенгер (Цявловская), Ф. Ф. Канаев, Н. К. Пиксанов, Д. С. Нестеров. 2-й ряд: А. М. Эфрос, Д. П. Якубович, В. В. Гиппиус, Д. Д. Благой, Л. Б. Модзалевский, М. К. Азадовский, Н. С. Ашукин, С. М. Бонди, Г. О. Винокур, Н. К. Гудзий, В. В. Буш. 3-й ряд: С. А. Переселенков, Н. К. Козмин, В. А. Мануйлов, Б. В. Казанский, М. П. Алексеев, Н. В. Яковлев, Ю. Н. Тынянов.

(Из собрания Литературного музея ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН).

чески предваряли конференцию, давая аналитическую характеристику пушкинских изданий послереволюционных лет. Острота полемической ситуации к началу конференции определялась тем, что на обсуждение, кроме основного, пиксановского, проекта издания и конкурировавшего с ним проекта Пушкинской комиссии (который, вероятно, можно называть планом Якубовича–Оксмана–Томашевского), был вынесен еще третий проект, в спешном порядке составленный М. А. Цявловским по предложению директората ИРЛИ, по-видимому, как своего рода компромиссный вариант.

В докладе Томашевского были еще раз сформулированы основные принципы будущего академического издания, предлагавшиеся проектом Пушкинской комиссии, причем особое внимание было уделено композиции. Томашевский повторил свои упреки «краснонивскому» шеститомнику (и последовавшему за ним ГИХЛ'овскому переизданию), которые раньше высказывал в эпистолярной полемике с Цявловскими, в частности в адрес принятого Цявловским в томах лирики хронологического расположения материала: «Мы не вполне поймем творчество Пушкина, если не примем во внимание его работу над композицией сборников. Мало того: мы не сможем воспринять отдельных произведений, если введем их в ненадлежащую среду. А главная задача

издания — осмысление образа Пушкина в его цельности и единстве». ⁷⁴ В целом выступление Томашевского имело подчеркнуто программный характер:

«Проблемы композиции не разрешаются универсальным шаблоном. Ранние произведения строятся иначе, чем поздние (только при таком условии можно лицейские стихи печатать на особых условиях). Проза располагается не так, как стихи. Журнальные работы от включения в собрание не должны утратить своего журнального характера.

Построение собрания чрезвычайно важно. Только в правильно построенном собрании полнота не будет засорением. Но это построение есть критическая работа, не разрешаемая инструкцией, годной на все случаи жизни как предусмотренные, так и непредусмотренные. ⁷⁵ Композиция собрания сочинений разрешается не в порядке администрирования, а в порядке подлинного научного освоения материала.

Мне уже приходилось высказываться по вопросам композиции сочинений Пушкина. Единственным научным выходом из положения я считаю критический учет собственных планов Пушкина, то есть для лирики — четырех частей „Стихотворений“ 1829–1835 гг. и предварительных списков для них, а для произведений ранних — плана издания, сохранившегося на автографе „Пирующих студентов“, ⁷⁶ с жанровой классификацией стихотворений (причем, понятно, лицейские стихи как исключенные Пушкиным из основного плана должны идти после главного собрания стихотворений). Осуществление такого плана на полном собрании наталкивается на трудности, которые может преодолеть только опытный и филологически грамотный редактор». ⁷⁷

До настоящего времени в печати не появлялось документов, относящихся к конференции пушкинистов 1933 года, да и упоминания о ней встречаются не столь уж часто. Между тем эта конференция представляется очень значительным научным событием, как потому, что именно она дала в своем роде старт работе над так называемым Большим академическим изданием сочинений Пушкина, так и потому, что на ней достаточно четко определилась расстановка сил в пушкиноведческом сообществе и обозначились демаркационные линии разных научных позиций. Конференция открылась докладом Н. К. Пиксанова, и весь ее первый день был посвящен обсуждению и критике предложенного им проекта. Главным «героем» следующего дня стал Б. В. Томашевский. Именно в борьбе с Томашевским во многом обрисовались контуры будущего академического издания.

Приводимые ниже материалы конференции 1933 года печатаются по экземплярам стенографических отчетов. Первый, хранящийся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН. Ф. 150.

⁷⁴ *Томашевский Б. В.* Издания стихотворных текстов. С. 1107.

⁷⁵ Здесь можно видеть выпад в адрес М. А. Цявловского, составившего к конференции, по предложению директората ИРЛИ, кроме проекта издания, еще и подробную инструкцию для работы над ним.

⁷⁶ Первый из известных пушкинских планов сборника стихотворений, написанный на последней странице автографа лицейского стихотворения «Пирующие студенты» (ПД 17. Л. 4 об.). План включает только лицейские произведения, группирующиеся по жанровому принципу: «Послания», «Лирические», «Пьески» (= «Разные стихотворения»), «Элегии», «Эпиграммы и надписи». Время составления плана не поддается точному определению, датировка М. А. Цявловского — начало января 1817 года (см.: *Цявловский М. А.* Источники текстов лицейских стихотворений // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 1. С. 504).

⁷⁷ *Томашевский Б. В.* Издания стихотворных текстов. С. 1107. Проект Пушкинской комиссии предполагал исчерпывающую полноту материала, включая и документы из разряда «рукою Пушкина» — личные бумаги, имеющие чисто биографическое значение, выписки из книг, газет, посвящения книг и даже векселя. Тем важнее, по мысли Томашевского, было дать материал «не в куче, а в осмысленной системе» (Там же. С. 1106).

Оп. 1 (1933). № 13), представляет собой машинопись, частично авторизованную участниками конференции; экземпляр неполный, отсутствуют стенограммы части утреннего и части вечернего заседаний 9 мая и утреннего заседания 10 мая. Второй экземпляр находится в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 391) — неавторизованная и невыправленная машинопись; отсутствует текст доклада Н. К. Пиксанова на утреннем заседании 8 мая; в остальном экземпляр полный.

Публикуемый материал требует некоторых предварительных оговорок. Следует иметь в виду, что перед нами стенографические записи устных выступлений, сохраняющие все характерные особенности и своего рода «дефекты» устной речи: спонтанность выражения, порой некоторую сбивчивость, недостаточную выстроенность и согласованность фразы. В некоторых местах, где стенограф или не расслышал, или совершенно не понял и исказил слова выступающего, запись приходится признать безнадежно испорченной. Очевидные ошибки стенографа исправляются без оговорок. В каждом из публикуемых нами выступлений много говорится о М. Л. Гофмане. Рамки настоящей публикации не позволяют подробно комментировать все обстоятельства командировки М. Л. Гофмана в 1922 году за границу для переговоров с А. Ф. Онегиным, передачи Академии наук Онегинского собрания и деятельности Гофмана в первые годы его эмиграции. Отсылаем за этими сведениями к фундаментальной публикации Т. И. Краснобородько.⁷⁸

Из стенографического отчета о первом дне конференции (8 мая 1933 года)

Из выступления Б. В. Томашевского в прениях по докладу Н. К. Пиксанова

Что касается возражений, то, к сожалению, я должен сказать, что в этом отношении мы поставлены все в очень трудное положение несколько дробным характером доклада Николая Кириаковича. Дело в том, что доклад Николая Кириаковича не сведен к основным тезисам, о которых можно было бы говорить. Я считаю, что таких основных тезисов три. Это именно те вопросы, которые подчеркнул в своих возражениях Абрам Маркович:⁷⁹ 1) вдохновляющая издание идея; 2) материальная база; 3) научная база издания и организация труда. По этим трем отделам можно было бы говорить, по этим трем отделам мы не получили достаточного материала, чтобы говорить. Поэтому естественно, что прения наши расплылись. Перед нами сто проблем стоит. В десять минут нужно все эти сто проблем решить. Хорошо еще, если бы мы стояли на одной почве, если бы у нас была одна платформа. Но перед нами два научных сознания — одно сознание и другое, непримиримые между собою. Как мы можем в десять минут исчерпать сто проблем. Очевидно, надо говорить о самом главном. А самое главное — материальная база. Мы получили информацию от неперменного секретаря: бумаги нет, денег нет. Это очень сильно сказано. Мы не имеем информации о том, откуда будут работники. Будут деньги, будут работники, говорят, но вы знаете — не все можно купить.

Нужно было бы говорить о вдохновляющей издание идее, но я не знаю, что об этом говорить. Здесь говорилось, что мы должны дать исторический

⁷⁸ Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому. Часть II (1922–1926) / Публ. Т. И. Краснобородько // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 797–943.

⁷⁹ Эфрос.

образ Пушкина. Формулировано это очень общо. Да, надо дать исторический образ Пушкина, но не приписывайте мне, что я отказываюсь от современного понимания Пушкина и целиком перехожу на <18>30-е годы. Здесь спор о том, что мы считаем фактом, являющимся объектом нашего сознания. Для меня, например, композиция есть факт, объективный факт, который мы должны осмыслить с точки зрения нашего сознания. Я не говорю, что надо перепечатывать четыре тома⁸⁰ — это было бы нелепо, но мы должны вскрыть конструктивную идею Пушкина и ее осмыслить. С нашей точки зрения это есть факт, который мы должны передать. Вот собственно и только.

Я считаю, что в этом отношении возможны тысячи компромиссов, и я готов в этом отношении даже от своей позиции отказаться. Здесь предлагалось хронологически оформлять — может быть, как компромисс, это и приемлемо, поскольку проблема переосмысливания с точки зрения современности может быть не реализована в пределах такого краткого времени, которое нам дано. Перед нами чрезвычайное количество проблем, к сожалению, надо это отметить, нерешенных. Это самое издание — это не есть какая-то рецептура, по которой мы можем действовать. Вот вам рецепт, вот шаблон, штампуйте. Нет, издание Пушкина есть целая большая проблема, мы ее не разрешаем, мы ее заменяем шаблоном, отклоняющим определенную научную проблему, которую мы не в состоянии решить. Я подписываюсь под хронологическим порядком, но есть целый ряд проблем, которые все равно придется разработать. А наметили мы путь? Что мы говорим о динамике творческого процесса? Предлагалось передать ее игрой шрифтовых кеглей — может, так, может, не так.⁸¹ Мне кажется, что принцип этот в каком-то плане верен, но не совсем. Главное — воодушевляющая мысль. Этим мы должны заниматься в начале работы. А какой толчок мы получаем в этом направлении? Двойное печатание — это техника, то же, что выбор кеглей. Что печатать корпусом, что петитом, где прямые, где ломаные скобки — это ерунда. Самое главное — принцип: давать статический или динамический текст.⁸²

Я не знаю, что сегодня говорить. Нам было дано сто проблем, от которых мы только можем отмахиваться, потому что в течение десяти минут сто проблем не разрешишь, когда мы имеем дело с различными вещами. Нельзя прочесть лекцию по текстологии в десять минут в такой аудитории, перед которой нельзя сюсюкать. Должна быть поставлена единая проблема. Проблема не поставлена. Говорить не о чем.⁸³

Из стенографического отчета о втором дне конференции (9 мая 1933 года)

Из выступления Ю. Г. Оксмана

Обращаясь к докладу Бориса Викторовича, я ограничусь сейчас только несколькими словами.

Борис Викторович, конечно, не думал о нашем совещании и о нашей практической работе на конференции, которая сейчас заседает, когда он писал

⁸⁰ То есть четыре части «Стихотворений Александра Пушкина» 1829, 1832 и 1835 годов.

⁸¹ Речь идет о способе представления рукописных вариантов.

⁸² Рамки настоящей публикации не позволяют осветить еще один принципиально важный вопрос, дискутировавшийся на конференции, в решении которого Томашевский сыграл едва ли не решающую роль, — переход от транскрипции к созданию своего рода «движущейся модели», демонстрирующей ход работы над рукописью путем послыонного представления последовательности вариантов.

⁸³ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 391. Л. 121–123.

свой обзор. Но тем не менее в силу особенностей постановки теоретических и текстологических вопросов на нашей конференции, с большой остротой и актуальностью, этот обзор, — который все же представляет цельную систему (а этой системе ничто не было противопоставлено) и который сделан необычайно авторитетным представителем пушкиноведения сегодняшнего дня, еще недавно нашим руководящим товарищем в этой области, на работах которого многим из нас приходилось учиться и переучиваться, — имеет, конечно, очень большое значение.

Что касается моих субъективных оценок этого доклада, то я должен сказать, что ожидал серьезной большой критики со стороны Бориса Викторовича его основных текстологических статей, его кодекса пушкинских текстов в собрании сочинений Пушкина (ГИХЛ'овском), отпечатанном в 125 тысячах экземпляров.⁸⁴ Опыт этого издания должен быть нами тщательно учтен в работе над академическим изданием.

Это было мое субъективное ожидание, поскольку я связывал доклад Бориса Викторовича с нашей практической работой. Зная последние работы Бориса Викторовича, последние его установки, интересы и взгляды в области пушкиноведения, мне хотелось бы слышать оценку им его работ исторически — <как> давно пройденного им этапа, опыт которого нами не учтен и подлечит учету.

Он, однако, уклонился от этого. Но это уклонение, мне кажется, только кажущееся. Уклонившись от того, чтобы прямо говорить о достоинствах и недостатках своей работы, он все же элементы самокритики ввел, но сделал это, может быть, бессознательно, замаскированно. Мне кажется, что Борис Викторович, расценивая работы Гофмана, Брюсова и М. А. Цявловского, их текстологические работы, не мог не отразить в этих оценках своих позиций как редактора однотомника. Эти оценки были полемическим приемом, выражавшим его отношение к его собственной установке при работе над однотомником.

Несколько досадно прозвучали в историографическом обзоре Бориса Викторовича элементы апологии текстологических работ Модеста Гофмана, композиций пушкинских текстов, намеченных Гофманом в «Первой главе».⁸⁵

Правда, надо оговориться, что Борис Викторович читал нам в отрывках свой доклад. Может быть, отрывки с жесткой критикой Гофмана остались неоглашенными. Нужно учитывать, что установившееся в пушкиноведении замалчивание работ Модеста Гофмана и вызвало некоторую реакцию — желание напомнить об этих работах, которые в истории последних пятнадцати лет заняли интересное место. Та оценка работы Гофмана, которая дана Борисом Викторовичем, едва ли может считаться до конца правильной. Многие достоинства, которые Борис Викторович увидел в работах Гофмана, есть достоинства его однотомника. Подробно об этом будет говорить Мстислав Александрович,⁸⁶ поскольку принцип конструкции собрания Пушкина в этом однотомнике направлен против тех методов композиции, которые демонстрирует М. А. Цявловский в его двух томах стихотворений шеститомника «Красной нивы». На однотомнике остановиться все же придется, независимо от того, был или не был доклад Бориса Викторовича, потому что это достижения

⁸⁴ Речь идет об однотомнике 1924 года. Сам Томашевский в обзоре «Издания стихотворных текстов» указывал суммарный тираж шести изданий (1924–1930 годов) в количестве 120 тысяч экземпляров.

⁸⁵ Имеется в виду книга М. Л. Гофмана «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине». В известном печатном тексте своего обзора Томашевский не упоминает Гофмана в связи с рассуждениями о композиции пушкинских изданий.

⁸⁶ Цявловский.

пушкиноведения революционных лет, от которых мы будем отправляться на опыте, и чрезвычайно всем нам близки и интересны вопросы, связанные с этой работой. Однотомник Бориса Викторовича, на котором придется остановиться Мстиславу Александровичу, а не мне, интересен мне только с той точки зрения, что он не реализовал тот заказ, который был сформулирован Модестом Гофманом в его «Первой главе науки о Пушкине», о том, как следует издать Пушкина, какую дать новую наметку издания против засоренного Пушкина дореволюционных лет. Ошибки Гофмана, которые нашли свое выражение в нескольких цитатах из Г. О. Винокура,⁸⁷ следовало бы в работе Бориса Викторовича вскрыть гораздо ярче. Сам Борис Викторович смотрит на однотомник, как на уже пройденный путь, как на опыт, подражать которому, конечно, не следует. Поскольку Борис Викторович даже свой личный опыт исследователя-пушкиниста и литературоведа склонен смешивать с историческими путями нашего пушкиноведения, постольку, конечно, и ошибки однотомника он склонен был бы признать естественными и законными ошибками, неизбежными на том этапе нашей текстологии и литературоведческой науки, на котором этот однотомник вышел. Мне кажется, это утверждение неправильное и принимать его нам, пушкинистам, товарищам по работе Бориса Викторовича и его современникам, не следовало бы, потому что эта работа связана с общеметодологическими взглядами Бориса Викторовича и никак ее за исторический путь пушкиноведения выдавать нельзя. Что является сильным местом в работе Бориса Викторовича — это разрушительная сторона, направленная против старого традиционного пушкиноведения. Сильным местом Гофмана была тоже критика полных собраний сочинений псевдо-Пушкина. С другой стороны, Борис Викторович обрушился на то <утверждение>, что однотомник Пушкина — эстетское издание. На прошлом вечернем заседании Бонди и другими была подчеркнута несостоятельность этого принципа выделения канона и рассмотрения всего остального как дополнения к этому фонду.⁸⁸ Этот «слоеный пирог», о котором с места

⁸⁷ Речь идет о книге Г. О. Винокура «Критика поэтического текста». Характеризуя работу Винокура, Томашевский замечал: «В противоположность эмпирической установке Гофмана Винокур подводит методологическую основу под вопросы текстологии. Книга Винокура построена полемически. Он отправляется отчасти от работы Гофмана, отчасти от моих работ, посвященных тому же вопросу (разбор работ Гофмана в альманахе «Литературная мысль», сб. 1, «Новое о Пушкине» и брошюра «Пушкин», 1925)» (Томашевский Б. В. Издания стихотворных текстов. С. 1056).

⁸⁸ Из выступления С. М. Бонди на вечернем заседании 8 мая 1933 года: «Во вчерашнем докладе Б. В. Томашевского есть принципиальная основа, есть концепция — нужно, чтобы это собрание сочинений давало исторический образ Пушкина. Можно ли это принять за основу? В основу академического издания принять этого нельзя. Образ Пушкина есть у Бориса Викторовича, но это не совсем ясно, и не знаю, где это достаточно хорошо высказано. Общепринятым этот принцип признать нельзя, потому что мы сразу наталкиваемся на принцип — соблюдать порядок пушкинских изданий. Давать вперед напечатанное самим Пушкиным — это вряд ли правильно. Все-таки Пушкин не Блок. Блок или символисты подбирают книжку с определенным названием — это одно, а Пушкин, у него этого нет, он не сочинял своих собраний сочинений, ни его планы рукописные, ни его приготвления <к изданию> сочинений не представляют собой творческого произведения. <...> Мы должны считаться с тем, что Пушкин существует как Пушкин, и потому всякого рода разделение всегда будет рискованно, всегда будет декадентский характер носить. Мне кажется, что должна быть одна цепь всех произведений Пушкина» (ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 391. Л. 87–88). Сам Томашевский при этом понятием «канон» не пользовался, считая его исключительно неудачным. Оно целиком принадлежало к терминологическому арсеналу М. Л. Гофмана, писавшего, например: «...в каноническом тексте Пушкина даже полного собрания сочинений должны оставаться только те произведения, которые Пушкин признал достойными печати, которые он печатал или хотел, но не мог (напр<имер>, «Медный всадник») или не успел (напр<имер>, стихотворения последних годов) напечатать» (Гофман М. Л. Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. С. 138).

говорил Мстислав Александрович,⁸⁹ — это очень слабое место однотомника, пущенного в массовый оборот.

Нужно учитывать, что последовательно провести тот принцип, который хотел провести Борис Викторович в однотомнике, ему не удалось, потому что это практически явилось бы совершенной бессмыслицей. Пушкин был цензурным поэтом, лучшие вещи Пушкина не могли быть напечатаны при его жизни, не могли сохраниться и в автографах, поэтому расслоенность и разностановность однотомника, его смешанные задачи популярного, документального, школьно-массового и всякого другого издания не составляют вину Бориса Викторовича, поскольку ему приходилось отвечать сразу на спрос в нескольких направлениях. Но поскольку он этого серьезно не оговорил, постольку однотомник приходится расценивать как во многом ошибочный, даже для своего времени. В нем не оказалось важнейших вещей Пушкина, нужных и популярному изданию, нужных и для школы, но на этом я останавливаться не буду. Это отметит, вероятно, Мстислав Александрович, которому придется свою систему работы, свой хронологический метод распределения пушкинских текстов и классификацию стихотворных текстов защищать от остроумных и сильных нападок Бориса Викторовича. Мстислав Александрович больше связан со старыми традициями пушкиноведения, освещенными новым подходом к материалу, он обладает блестящей эрудицией, много лет работает в условиях новых подходов к Пушкину, и все-таки для него установки Бориса Викторовича в распределении пушкинских текстов не могут быть приемлемы. Из столкновения этих двух мнений мы и должны извлечь практические выводы для своей работы. Поэтому останавливаться сейчас на этом мне не хотелось бы.

Я остановился так подробно на однотомнике Бориса Викторовича или, вернее, на своем несогласии с некоторыми установками Бориса Викторовича в его блестящем докладе, потому что его доклад был настолько блестящ по оформлению, настолько ценен и интересен, что он на мгновение покорила всех нас. Поэтому, мне кажется, следовало бы подчеркнуть ошибочность некоторых его установок.⁹⁰

Из выступления М. А. Цявловского

Перехожу к докладу Бориса Викторовича. Без малейшего сговора с Юлианом Григорьевичем⁹¹ у меня поразительное совпадение с тем, что он говорил. Я хотел употребить почти те же выражения, так что мне даже трудно не дублировать его во многом.

Борис Викторович в этой работе стоял, мне кажется, на трудной позиции. Эта работа была трудная. Говоря совершенно объективно, нисколько не преувеличивая в направлении комплимента, должен сказать, что Борис Викторович не только крупнейший текстолог в области стихотворных пушкинских текстов, но и весьма опытный работник, так что мои седины, мой возраст

⁸⁹ Выражение из выступления Цявловского на обсуждении доклада Пиксанова на утреннем заседании 8 мая, сказанное по поводу композиции собрания сочинений, учитывающей пушкинские планы издания (т. е. выделение внутри издания того материала, который сам Пушкин предполагал включать в свои собрания сочинений): «Конечно, Александр Сергеевич проект академического издания не готовил и материал изданий Пушкина абсолютно не покрывает наш материал. Но с другой стороны, эти слоеные пироги мы, конечно, печь не должны» (ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 391. Л. 36–37).

⁹⁰ Там же. Л. 147–153.

⁹¹ Оксманом.

и мое прикосновение к старому пушкиноведению, которое отметил Юлиан Григорьевич, не делают меня ни в какой мере старше его; я гораздо моложе Бориса Викторовича как текстолог.

Это положение низводит пушкинскую текстологию последнего пятнадцатилетия к творческой научной истории Бориса Викторовича; знака равенства тут нельзя поставить, но во всяком случае это почти так, во многом так. Обозревая пушкинскую текстологию за пятнадцать лет, Борис Викторович стоял, по-моему, перед труднейшей задачей обозреть, в сущности говоря, самого себя. Это сделать, по-моему, можно было в двух планах. Или (то, что говорил Юлиан Григорьевич) развернуть во всей полноте свою текстологическую идеологию, свое кредо, раскрыть это и исторически — этапы. Это было бы значительно, важно, поучительно и очень актуально для наших целей. Или можно было пойти по другому пути: а именно, сказать о себе, как выразился Борис Викторович, только в информационном порядке и скупо, давая кое-что.

Мое положение тоже трудное. Трудность его заключается в том, что передо мной очень досадное и непреодолимое обстоятельство — редактором ГИХЛ'овского собрания сочинений является Цявловский. Поэтому, значит, говоря об обозрении Томашевского, я должен говорить тоже о себе, то есть себя обозревать. Позвольте оговориться, что если будут допущены мною какие-нибудь резкости, то это в порядке запальчивости, а не в порядке обид, какие я имею по отношению к Борису Викторовичу. Прежде чем говорить о нем, позвольте сказать о Гофмане. Тут у меня трогательное совпадение с Юлианом Григорьевичем. Я только в кубе увеличил бы то, что говорил Юлиан Григорьевич о Гофмане. Я не знаю, найдут ли присутствующие мое определение деятельности Гофмана парламентским (если не парламентским, я откажусь), — я нахожу его Хлестаковым пушкиноведения⁹² и даже скажу — Хлестаковым, который докатился до Ноздрева. Что такое деятельность Гофмана? Это крик и ошибка, ошибка и крик. Это открытия, которые сейчас же закрываются им же самим. Это закрытия, которые опять открываются. Вот книжка, «Первая глава науки о Пушкине». Мы сейчас собрались поднимать большое дело, но кто-нибудь из вас разве возьмет ее и перечтет? Разве что-нибудь можно найти в этой «Первой главе»? Разве там есть хоть одна проблема, затронутая по существу и как-нибудь разрешенная? Ничего нет, хоть шаром покати.

Историю новейшей текстологии Борис Викторович совершенно неожиданно для меня начал с книги «Неизданный Пушкин» — во всяком случае, начал с нее доклад.⁹³ Позвольте дать главу из личных воспоминаний пушки-

⁹² «Хлестаковым от пушкиноведения» назван Гофман и в мемуарных «Записках пушкиниста» М. А. Цявловского, диктовавшихся им в сентябре–декабре 1932 года. См.: *Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина*. С. 43.

⁹³ Речь идет об издании пушкинских автографов из парижской коллекции А. Ф. Онегина по фотографическим и цинкографическим воспроизведениям, имевшимся в Пушкинском Доме: *Неизданный Пушкин: Собрание А. Ф. Онегина / Тр. Пушкинского Дома при Российской Академии наук*. Пб., 1922. В характеристике Б. В. Томашевского: «Издание еще придерживается гофмановского канона публикаций: транскрипция плюс сводка исчерпывают „подачу“ материала. К ним присоединяется случайный комментарий, отправляющийся от обычного редакторского комментария изданий сочинений. Получилась книга, ценная по материалу и очень неряшливая по выполнению» (*Томашевский Б. В. Издания стихотворных текстов*. С. 1059). Весной 1909 года между Академией наук и А. Ф. Онегиным был заключен договор о передаче его коллекции в собственность Академии для Пушкинского Дома. Собрание оставлялось Онегину на хранение (пожизненное или до переезда из Парижа), он получал 10 000 золотых рублей одновременно и ежегодную пожизненную пенсию в 6000 золотых рублей на поддержание и пополнение коллекции. После октября 1917 года все связи с Францией прервались. Из Парижа доходили непроверяемые слухи о публикации материалов собрания в зарубежной печати, о намерении Онегина продать его в Америку и даже о смерти Онегина и переходе его коллекции к неким «наследникам». Этими слухами во многом и была обусловлена спешка в подготовке «Неизданного Пушкина». Подробнее

ниста. Дело происходит на квартире Пиксанова с Гофманом в роли Хлестакова. Модест Людвигович привез в Москву пробный экземпляр только что вышедшего «Неизданного Пушкина». Об этом издании ходило много разговоров, оно ожидалось с величайшим нетерпением, можно сказать с волнением, разговорами, и вот наконец Иван Александрович⁹⁴ приехал. Получается так, что в какой-то мере Пиксанов был городничим, а мы сидели в качестве гостей. Помню, было два женских персонажа, что чрезвычайно увеличивало «реви-зорскую» ситуацию. И вот он в картинной позе с этой книжкой вещал о новейших, самых замечательных и безупречных достижениях пушкиноведческого характера в Ленинграде. Тогда слова «бригада» не было, называли «плеяда». Разбивали текст, тоже коллективная работа.⁹⁵ Я сидел дураком и смотрел ему в рот, слушал, что будет сказано. Вот как он импонировал.⁹⁶ В моей рецензии на его книжку (в «Фениксе») помню фразу, что «от Гофмана можно было ожидать большего».⁹⁷ Чулков⁹⁸ мне говорит: «Почему ты ставишь такую фразу?» Эта фраза вскрывает тот величайший пиетет, почет и удивление, которое я имел перед этими новейшими текстологическими откровениями.

Нужно ли говорить теперь нам всем, что это, конечно, была сцена из «Ревизора». Нужно ли говорить, что «Неизданный Пушкин» — не только пройденная нами ступень, но это вообще совсем плохая книжка. Вот мы имеем «Неизданного Пушкина», Онегинское собрание. Десять лет тому назад это квалифицировалось как величайшее достижение — вот один этап. И теперь, останавливаясь на какой-нибудь последней работе того же Бориса Викторовича, я ожидал, что будет показан путь от «Неизданного Пушкина» к сегодняшнему дню — откровенно, со спокойствием пройденного, в историческом аспекте нам будет все это рассказано.

Чтобы покончить с Гофманом, скажу, что я был поражен, когда Борис Викторович, не только текстолог вообще, но и специалист по «Онегину», так высоко ставит эти «Пропущенные строфы».⁹⁹ Он мягко, даже нежно прошелся об этом. Сказал, что очень торопливо, бегло — и все. К чему же такая нежность?

см. во вступительной статье Т. И. Краснобородько: Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому. Часть II (1922–1926). С. 799–801.

⁹⁴ Хлестаков — т. е. Гофман.

⁹⁵ Имеется в виду характер работы над «Неизданным Пушкиным». См. в обзоре Томашевского: «Книга была сделана спешно, создан под руководством Гофмана коллектив работников, главным образом из молодых пушкинистов; им были розданы в срочном порядке фотографии для спешной подготовки и комментирования, и книга вышла в свет» (Томашевский Б. В. Издания стихотворных текстов. С. 1058).

⁹⁶ См. изложение этого эпизода также в «Записках пушкиниста»: Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина. С. 44.

⁹⁷ Речь идет о рецензии Цявловского на книгу Гофмана «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине». Цявловский встретил книгу очень сдержанно. «Со всем доказываемым и показываемым автором нельзя не согласиться: все это нам представляется бесспорным, — писал он. — Но бесспорность эта проистекает из упрощения автором трактуемых им вопросов, что, может быть, произошло оттого, что книга предназначена для рядового читателя, а не для специалистов». Указывая, что Гофман упростил проблему канонического текста и совсем игнорировал такие важные вопросы, как, например, вопрос об орфографии и пунктуации или о распределении произведений по годам и внутри одного года, Цявловский заключал: «Исключением из книги всего вышесказанного как слишком „академического“, может быть, и достигнута ее общедоступность, но понижено значение ее для специалистов. Признаемся, от книги М. Л. Гофмана мы ожидали большего» (Феникс: Сб. художественно-литературный, научный и философский. М., 1922. Кн. 1. С. 175–176).

⁹⁸ Имеется в виду писатель, критик и литературовед Г. И. Чулков.

⁹⁹ Исследование М. Л. Гофмана «Пропущенные строфы „Евгения Онегина“» (Пушкин и его современники. Пг., 1922. Вып. 33–35. С. 1–344) отнесено Томашевским (наряду с «Неизданным Пушкиным» и книгой С. М. Бонди «Новые страницы Пушкина» (М., 1931)) к наиболее крупным работам истекшего десятилетия в области изучения истории текста и черновики.

Транскрипция требует перепроверки — как мягко сказано.¹⁰⁰ Она ни к чему не годна, если снять позолоту.

Я помню, как Модест Людвигович кокетничал передо мной быстротой своей транскрипции — на второй день он уехал, уже увозя транскрипцию. Но эта быстрота искупалась этими ляпсусами, ляпсусами и ляпсусами. Открывать, быть оригинальным, сказать что-то такое необыкновенное, сногшибательное — это его слабость. Помню, сижу у Павла Елисеевича Щеголева на квартире — телефонный звонок. Открытие. «Смуглянка» в «Литературной газете».¹⁰¹ <...> Я уже не буду говорить о тех невероятных курбетках, на основании которых я позволяю себе говорить о ноздревщине, которую он выкидывал в Европе. Это уже вне моей темы, это превзошло все, что можно было ожидать даже от него. А последняя его книжка? Вам бы это было нужно в обзор включить, Дмитрий Петрович.¹⁰² У Ашукина есть эта брошюра, это сравнительно недавно, много лет спустя после «Неизданного Пушкина» вышло. Выходить с таким произведением, ведь это только развести руками!¹⁰³

Перехожу к Борису Викторовичу, к текстологии стихотворных пушкинских текстов и к его однодумнику. Борис Викторович, вероятно, помнит, как я изумлялся изумительным по тщательности текстам. Могу еще привести пример восторженного отношения и великой радости, что мы достигли классического текста, кажется, почти идеала. Я говорил на публичном выступлении на одном из пушкинских празднеств, что если бы ГИЗ объявило премию за нахождение опечаток, то оно бы не очень много должно было бы заплатить. Еще вспоминаю, я просил Николая Федоровича:¹⁰⁴ «Когда будешь читать, отмечай встретившиеся опечатки». Он ни одной не нашел. Потом Павел Елисеевич¹⁰⁵ говорил по поводу работы, которую проделал Виктор Андроникович¹⁰⁶ — вот, говорит, даже досадно, нет опечаток. Борис Викторович с сугубо

¹⁰⁰ Ср. в печатном тексте обзора Томашевского: «Транскрипции М. Гофмана не отличаются высоким качеством. Они сделаны торопливо, а главное механично. Эти черты его труда хорошо известны всем, кто к нему обращался. „Пропущенные строфы“ — труд торопливый и требующий перепроверки. Однако все же все строфы „Онегина“ полностью прочитаны, и книга Гофмана, понятно, будет в руках у каждого, кто займется разбором пушкинских черновиков» (*Томашевский Б. В.* Издания стихотворных текстов. С. 1057).

¹⁰¹ Далее текст испорчен: «Оказывается, редчайшее оглавление „Литературной газеты“ имеет указание на Ш–6–в. Он и этим на первых порах не обескуражился». Эпизод, рассказанный Цявловским, должен относиться ко времени публикации Гофманом в «Пушкине и его современниках» дневников А. Н. Вульфа 1828–1831 годов. В записи от 17 октября 1830 года Вульф называет две «пиесы» Пушкина, напечатанные в «Литературной газете» — «Арион» и «Смуглянка» (см.: Пушкин и его современники. Пг., 1915. Вып. 21–22. С. 137). Стихотворение «Смуглянка», напечатанное непосредственно перед пушкинским «Арионом» и, как и он, без подписи (1830. Т. 2. 30 июля. № 43), Пушкину не принадлежит. В оглавлении второго тома «Литературной газеты» «Смуглянка» означена как стихотворение «Ш–6–ва (Н. И.)» (Н. И. Шибаева). Гофмана могла ввести в заблуждение карандашная помета В. П. Гаевского на экземпляре «Литературной газеты», принадлежащем Академии наук (ныне в Библиотеке Пушкинского Дома; видимо, об этом «редчайшем» экземпляре и говорил Цявловский): «Не Пушкина ли?». Кроме того, вопрос об авторстве «Смуглянки» уже дискутировался в печати в связи с публикацией в 1913 году Б. А. Садовским обнаруженного им списка стихотворения с подписью Пушкина. Садовскому возражал Н. О. Лернер. Заблуждение Гофмана не было продолжительным и в печать не попало. В комментариях к дневнику Вульфа он указывал на ошибочность атрибуции стихотворения Пушкину (см.: Пушкин и его современники. Вып. 21–22. С. 277–278). См. также упоминание истории со «Смуглянкой» в «Записках пушкиниста»: *Цявловский М., Цявловская Т.* Вокруг Пушкина. С. 44, 218–219 (комм. С. И. Панова).

¹⁰² Якубович.

¹⁰³ Вероятно, Цявловский имеет в виду книгу Гофмана «Пушкин: Психология творчества» (Париж, 1928) или, что кажется менее вероятным, книгу «Pouchkine» (Paris, 1931).

¹⁰⁴ Бельчикова.

¹⁰⁵ Щеголев.

¹⁰⁶ Здесь Цявловский пересказывает к совершенно другому сюжету. В. А. Мануйлов в 1928 году был привлечен П. Е. Щеголевым к изданию «красноивского» полного собрания сочинений Пушкина и, в частности, занимался корректурами издания.

утрированной скромностью сейчас крикнул, что много опечаток. Позвольте, кто может сказать, много или мало опечаток в книге. Если мы сейчас пригласим самого Плавильщикова,¹⁰⁷ эту огромную величину, и дадим задание — он найдет энное количество опечаток. Но можно ли сказать, что в этой книге действительно это количество. Другому дайте — и он найдет или на несколько процентов меньше, или, может быть, на несколько процентов больше. После всего этого, мне кажется, я имею право говорить, так сказать, если хотите, нараспашку, без всяких прикрас.

Однотомник, когда он вышел, меня поразил в двух диаметрально противоположных направлениях: блестящим состоянием текста — хотя должен сказать, что в силу разных обстоятельств я знаю качество текстов с чисто внешней точки зрения, по существу я не занимался проверкой работы Бориса Викторовича, — и, повторяю, столь же сильное чувство полного неприятия всего труда в смысле композиции, принципов. Я считаю это величайшим ляпсусом. Юлиан Григорьевич выяснял уже генезис этого рода труда. Может быть, это было действительно так, как мы выражались, — по заказу Гофмана. По-моему, заказ в определенном смысле. Или они параллельно шли к такой концепции, но во всяком случае, повторяю, генезис вскрыт верно. Это — отворот от предшествующей композиции, от страшно преувеличенной «засоренности» прежних изданий, которая истерически была раздута Гофманом. Ему казалось, что «засоренность» исключительная, что по мере сил они очищают. Это вовсе не так. Засоривать Пушкина Пушкиным — этого я не понимаю, и позвольте высказаться по адресу Пушкинской комиссии, что с величайшим удивлением я читал в официальной бумаге следующее положение: что воспроизведение транскрибационным путем пушкинского текста — это, извольте ли видеть, засоренность. Транскрипция засоряет!¹⁰⁸ Такие ответственные штуки нельзя кидать в официальном документе!¹⁰⁹ <...> Засоренность, фи-донк, какие-то транскрибационные скобки! Дайте нам хорошего, настоящего Пушкина, Кипренского Пушкина, чтобы лира стояла, чтобы был поэт — оделся, хороший! Это просто ужасно, не понимать, брезгливо отворачиваться и как-то его трогать. Я привык к Пушкину подходить с обнаженной головой.

Итак, значит, дай нам идеального Пушкина, самого настоящего, без всяких засорений. И вот тут давит на редактора целая масса сборников — сборники символистов, акмеистов, сборники Фета, Баратынского, «Сумерки»,¹¹⁰ «Вечерние огни»¹¹¹ и т. д. и т. д. Они все¹¹² это прекрасно знают, прекрасно усвоили: что, значит, подача текста всей совокупностью — это творческий акт, это композиция, это удар всей массы текстов, не вразброд, а действием, организмом и пр. и пр. Все это было переоценено и как фетиш принято, и они на коленях стоят над этими сборниками, зачарованные, зачарованные, зачарованные.

¹⁰⁷ Не очень понятно, почему Цявловский поминает здесь именно В. А. Плавильщикова (1768–1823) — издателя и книгопродавца, создателя первой в Петербурге общедоступной «библиотеки для чтения», завещавшего все свое книжное дело служившему у него А. Ф. Смирдину.

¹⁰⁸ В проекте издания, представленном Пушкинской комиссией, говорилось: «Настоящее издание отказывается от транскрипции текстов (черновики), учитывая как совершенно неудовлетворительное положение дела с транскрипциями в старом академическом издании, засорявшем ими тексты в неудобочитаемой и не дающей читателю представления о динамике творческого процесса форме. Все необходимые транскрипции относятся в предпринятое издание пушкинских рукописей, особо ведущееся Пушкинской комиссией» (цит. по докладу Н. К. Пиксанова: СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1933). № 13. Л. 5–5 об.).

¹⁰⁹ Далее в стенограмме две фразы, не дающие внятного связного чтения.

¹¹⁰ «Сумерки» (1842) — сборник стихотворений Е. А. Баратынского.

¹¹¹ «Вечерние огни» — общее название четырех сборников А. А. Фета (1883, 1885, 1889 и 1891 годов).

¹¹² Речь идет о противниках хронологического принципа.

Композиция, композиция, композиция! Много высоких, очень ученых слов — все пускается здесь в оборот. Работая над планом издания Пушкина, совершенно прозрачно, как дважды два, как апельсин, как говорят, встала изумительная картина, опровергающая их на 100 %, кладущая на обе лопатки.

Масса, товарищи, у нас сложных проблем, о которых я буду говорить, и тут может быть два, три, пять и десять решений, а то, что я говорю, это дважды два четыре — что Пушкин составлял свой сборник по хронологическому принципу. Как тут можно спорить! Но будучи Пушкиным, а не пушкинстом, он, конечно, сплошь и рядом не фиксировал, в каком году, и отмечал: «мелочи», «второй сорт», «в разные годы». Это какой-то отсев по разным причинам. Может быть, и можно разобраться, по каким, но это отсев и это насколько не нарушает хронологического принципа: вот это в такие-то годы, а вот это разное, не хочу, может быть, говорить, когда именно или не придаю важности, или не хочу вспоминать и т. д. Вот и все. Никаких «Вечерних огней», никаких «Стихов о Прекрасной Даме»¹¹³ он не составлял. <...>

Итак, что же получается. Для чего же было воистину этот девятирусный огород городить? Отсечь весь Лицей, а потом третьего дня кидать наивно: «Что такое лицейские стихотворения?» Это то, что Томашевский выкинул из однотомика. Что такое — Пушкин родился в Москве? Это то же самое. Выкинул за борт весь Лицей, начинает основным ядром, на которое будут потом наворачивать одежду, как у капусты. «Разных годов» — в оглавлении, как и у Пушкина, нет годов,¹¹⁴ и только в указателе это все же раскрыто, такое отступление сделано.

Только вот на чем я останюсь. Критикуя мое деление на группы стихотворений, Борис Викторович говорит, что критерий деления не выдержан. Опубликованные, черновые, dubia — как мужчины, женщины и блондины.¹¹⁵ У меня чисто технически неверная шапка, или шрифт. Я делю на опубликованные и неопубликованные, а в качестве приложения — «Dubia», особо.¹¹⁶ А у него идут стихотворения вообще, а потом есть подразделение «Политические стихотворения». Значит, то уже надо назвать не политическими стихотворениями. Стихотворения, напечатанные при жизни Пушкина, в том числе эпиграммы, а потом еще замыкающая группа «Эпиграммы». Не понимаю, почему эти эпиграммы тоже сюда не отнесены. Это жанровое деление внутри.¹¹⁷ Юлиан Григорьевич говорил, что пришлось сейчас же сделать уступку и от <исходных принципов однотомика> отступить. Это всем известно.

¹¹³ «Стихи о Прекрасной Даме» (1905) — сборник стихотворений А. А. Блока.

¹¹⁴ Речь идет о разделе стихотворений «Разных годов», сохраненном в однотомике Томашевского вслед за прижизненными пушкинскими собраниями.

¹¹⁵ «Так же зыбок и другой отдел „Dubia“ (кстати, этот латинский термин, примененный к изданиям Пушкина впервые Брюсовым, производит какое-то педантическое впечатление). <...> Оказывается, в этом отделе смешано два рода произведений: 1) такие, сама принадлежность которых Пушкину не доказана, и 2) такие, текст которых вызывает сомнения. Но объединение этих двух совершенно разнородных классов тоже звучит каламбуром. Учитывая это, Цявловский во втором варианте издания решил отметить звездочкой те, которые сомнительны по принадлежности. Но в таком случае, что такое второй отдел (сомнительные по тексту)? Неужели для редактора текст стихотворений, включенных в первую часть, совершенно несомненен? <...> Нехорошо также, что выделение этого отдела в качестве самостоятельного и равноправного с другими слишком резко нарушает основное правило всякой классификации — единство основания деления» (Томашевский Б. В. Издания стихотворных текстов. С. 1067–1068).

¹¹⁶ Цявловский неточно выразился. Он хотел сказать, что основное деление материала проходит по линии «завершенное / неоконченное и неотделанное». Разделы же «Коллективное» и «Dubia» в своем роде дополнительные, что могло бы быть обозначено в оглавлении тома шрифтовым выделением.

¹¹⁷ В *Пушкин 1924* в конце раздела «Стихотворения, напечатанные при жизни Пушкина, но не вошедшие в собрание стихотворений 1829–1835 гг.» шесть текстов выделено в подраздел

Когда вышел «Граф Нулин», факсимильное издание Сабашниковых,¹¹⁸ то я предложил Михаилу Васильевичу Сабашникову расширить это предприятие и издать под моей редакцией или под моим наблюдением все прижизненные 37 книг Пушкина, которые он издал бы также факсимильно, как «Нулина» и как первое издание Шекспира.¹¹⁹ Он страшно за это ухватился, и мы имели бы этого канонического, чуть не до цвета бумаги, Пушкина, как сделал Михаил Васильевич со «Словом о полку Игореве»,¹²⁰ если бы не монополия.¹²¹ В этом же роде, не факсимильно и современным шрифтом, тот же Томашевский и Халабаев сделали чудеснейшую серию, четырехтомник, очаровательную в порядке гурманства.¹²² Очень милая игра, в которой я с удовольствием принимаю участие. <...>

После того, как все это кончилось с изданием и встала проблема академического издания, на счастье для Дмитрия Петровича¹²³ и Бориса Викторовича, они вспомнили о «Пирующих студентах» и об этом плане лицейских стихотворений: вот как чудесно — к четырехтомнику прибавим еще одну такую штучку пушкинскую и как мы хорошо выйдем из этого положения.

Вот против этого, в ответ, в противовес, как хотите, предпринимается издание «краснониевское», потом ГИХЛ'овское. Я очень был бы рад, если бы это сделал кто-нибудь другой, не я, и я бы мог говорить о нем в третьем лице. Что же мы в этом издании находим? Находим впервые и еще раз впервые опыт деления Пушкина, если хотите, учитывающий и положения Бориса Викторовича, и крики Гофмана. Это — очищение, отказ от единой хронологической цепи, <представление> в первой части ее большого, великого, законченного, бессмертного Пушкина.

Первый опыт. В каких это условиях протекало, я уже говорил. Можно только сделать к этому дополнение: несколько распоясавшись, я позволил себе говорить не в очень надлежащем тоне о П. Е. Щеголеве, об его жестах, как мы с ним обсуждали вопросы и проч. и проч.¹²⁴ Я не хочу быть дурно понятым

«Эпиграммы»: «Лук звенит, стрела трепещет...» (1827), «Журналами обиженный жестоко...» (1829), «Там, где древний Кочерговский...» (1829), «Седой Свистов! ты царствовал со славой...» (1829), «Не то беда, что ты поляк...» (1830) и «Не то беда, Авдей Флогарин...» (1830). При этом еще одна эпиграмма, «Мальчишка Фебу гимн поднес...», напечатана под соответствующим годом в общем разделе. О непоследовательности внутреннего деления однотомника уже говорилось выше.

¹¹⁸ Пушкин А. С. Граф Нулин. Снимок с издания 1827 г., редактированного самим Пушкиным. С приложением статьи М. О. Гершензона. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1918.

¹¹⁹ Изданное в Лондоне в 1910 году факсимильное издание Первого фолио Шекспира (1623).

¹²⁰ Речь идет о изданном в 1920 году издательством М. и С. Сабашниковых факсимильном воспроизведении первого издания «Слова» 1800 года.

¹²¹ Государственная монополия на издание сочинений целого ряда писателей-классиков была объявлена декретом Совнаркома от 26 ноября 1918 года, а в соответствии с постановлением Наркомпроса от 18 января 1923 года произведения этих авторов можно было печатать только с разрешения Госиздата, который представлял интересы Наркомпроса.

¹²² В 1923 году Б. В. Томашевский и К. И. Халабаев начали серию изданий «для чтения», сохраняющих ряд особенностей прижизненных пушкинских изданий. Так были изданы в 1923 году сборник южных поэм («Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Братья разбойники» и «Цыганы») и в 1924 году (в двух частях) четыре части «Стихотворений Александра Пушкина» 1829–1835 годов. «Из изданий самого Пушкина, — пояснял Томашевский, — перенесено в настоящее издание все, что так или иначе определяет восприятие читателя: каждое стихотворение напечатано с новой страницы, отделы (года) разделены шмуцтитлами и т. д. Издательство проявило большую заботу о том, чтобы дать книгу, обращенную к читателю, того „Пушкина для чтения“, которого давно уже не издавали, заменяя его „Пушкиным для школы“, „Пушкиным для народа“, „Пушкиным для пушкинистов“ и т. п.» (Томашевский Б. В. Издания стихотворных текстов. С. 1079).

¹²³ Якубовича.

¹²⁴ В первый день конференции, в ходе прений по докладу Н. К. Пиксанова, Цявловский говорил о работе над изданием *КН*: «Надо сказать, что в шеститомнике никакой собственно

и заставить кого-нибудь думать, что все издание «краснонивское» или ГИХЛ'овское велось так уж совершенно спустя рукава и, как я выразился, совершенно уже патриархально. Я должен сделать существенную оговорку и редакционно исправить мою одностороннюю информацию, сделанную в пылу элоквенции. Были, например, собрания коллектива в Ленинграде. Я не имел чести на них присутствовать, но Николай Сергеевич¹²⁵ был, и обсуждались вопросы глубоко и коллегиально, не говоря уже о том, что в самом начале говорилось и о плане. Между прочим, в пояснение того, что я буду говорить, было решение очень радикальное: черновики в данном издании не давать и вообще никаких приложений — дайте один канон. Но в процессе не только набора, но, может быть, даже верстки, уже в самый последний момент, самотеком появилось «Приложение».¹²⁶ Я говорил Павлу Елисеевичу, что кое-что надо дать. Говорит: «Давайте самое законченное». Опять-таки должен показать его жест — вот так округлил. Поэтому это «Приложение» у нас, конечно, очень и очень несовершенно. Можно говорить только до «Приложения». Не говоря о том, кто как понимает. Борис Викторович дал к «Онегину» изумительное количество <рукописного материала> по полноте.¹²⁷ У меня с лирикой никакой неувязки. Прозаики¹²⁸ шли тоже по разным линиям.

Итак, сделан первый опыт. Смею уверить вас в очень и очень большой продуманности. Достаточно сказать, что я эту нумерацию раз 15 пересматривал, перетасовывал те или иные карточки, названия опусов. 875 опусов, их нужно было разложить в 2 тома очень продуманно. Тем не менее, конечно, есть прямые ошибки. Как сказал Пушкин, всякого писателя нужно судить по законам, им для себя поставленным. И тут так же: нужно критиковать по линии плана; и вторая линия критики — насколько выдерживается сам план.

Перехожу к конкретным указаниям Бориса Викторовича. Откровенно скажу, я несколько поражен тоном, <тоном> человека, который крепко все это знает, как надо и с какой точки зрения судить: это не так, это не так. Как — не говорилось или говорилось только иногда. Мне кажется, что это неуважительное отношение к делу, к науке. Ведь дело в том, что нету у Бориса Викторовича этих безусловных аксиом в тех случаях, когда он мне говорит «а» вместо «б». Когда мне говорят, что, батенька, это опус не Пушкина, а Гара, — тогда меня забивают в угол. Это бесспорно, это ляпсус, при всей напряженности я это прозевал.¹²⁹ А что окончено и неокончено, это, конечно, туда, а это, ко-

организованной редакции не было. Мы знаем — был Луначарский, был Демьян Бедный, был В. И. Соловьев, они почти ничего не делали, а всем ведал П. Е. Щеголев. Никаких инструкций, никаких планов не было, все шло в патриархальном порядке: вот Павел Елисеевич придет, вот мы поговорим за ужином (правда, за ужином не пили) — и дело этим кончается. Соберемся у Николая Сергеевича <Ашукина> на чердаке, он махнет рукой вкусно: „Валите так“ — и кончено» (ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 391. Л. 40).

¹²⁵ Ашукин.

¹²⁶ В первом томе издания *КН* было напечатано незначительное по объему «Приложение» (с. 387–391), где помещены письмо к В. Л. Пушкину с текстом послания «Тебе, о Нестор Арзамаса...», считавшегося первой редакцией стихотворения «Дяде, назвавшему сочинителя братом» (1816), журнальная редакция стихотворения «Жуковскому» («Когда, к мечтательному миру...») (1816) и невошедшие в окончательный текст фрагменты ранних редакций еще шести стихотворений: «К другу стихотворцу» (1814), «К В<атюшк>ову» (1814), «Друзьям» (1816), «П<ушки>ну» («Скажи, парнасский мой отец...») (1817), «Кто видел край, где роскошью природы...» (1821) и «19 октября» (1825).

¹²⁷ Речь идет о материале, вошедшем в «Приложения» к тексту «Евгения Онегина», подготовленного в *КН* Томашевским (Т. 4. С. 190–224) — материале рукописей и первых изданий отдельных глав романа в стихах.

¹²⁸ То есть редакторы томов, содержащих прозаические произведения.

¹²⁹ Речь идет о записи «Je t'aime tant...» — нескольких строк французского текста в одной из рабочих тетрадей Пушкина, ошибочно введенной Цявловским в «краснонивском» издании в «Dubia». Французские стихи в действительности являются записью популярного французского

нечно, туда — ах, простите, нет. Это может импонировать, я, не подготовившись, могу растеряться и не ответить, но дайте мне прийти в себя, и я отвечу. Моим ответом мой противник будет недоволен, я не принимаю его аргументов — не будем спорить.¹³⁰

Выступление Б. В. Томашевского

Разрешите мне остановиться на тех возражениях, которые были по поводу моего доклада. Во-первых, совершенно неожиданно критика моего доклада была направлена на то, что центральным дефектом доклада является апология Гофмана. Я должен категорическим образом отвергнуть подобное обвинение. Я думал, что мое отношение к Гофману настолько общеизвестно, что упрекать меня в апологии Гофмана невозможно. Но ораторы, здесь выступавшие, обвиняют меня в апологии Гофмана, и я должен объясниться.

Почему я не слишком сильно нападаю на Гофмана? По следующим причинам. Я полагаю, что работы Гофмана настолько дискредитированы в настоящее время, что не имеет практического значения здесь выступать с особой критикой Гофмана. Но в историческом обзоре миновать фигуру Гофмана нельзя. Гофман, как совершенно правильно говорил Мстислав Александрович, — Хлестаков, Ноздрев, а я бы назвал Гофмана — я знал его и в науке, и в жизни — хвастунишкой, лгунишкой. Вот термины совершенно парламентские для определения его фигуры и в жизни, и в науке. Он восемь раз солжет и два раза скажет правду — это совершенно верно. Но и наоборот — все-таки из десяти раз два раза скажет правду, и это надо признать. Если мы возьмем тексты Пушкина, то найдем много текстов, установленных Гофманом, нельзя этого отрицать.

Дело в том, что Гофман, вероятно, не оригинален. Он был рупором своего времени. Это во-первых. Поэтому то, что говорил Гофман, большого значения не имеет. Вы помните, как это он делал. Хватал налету. Побывает здесь, побывает там, схватит, затем с пафосом декларирует чрезвычайно важно. Но вот главное — то, что забывается. А именно, что деятельность Пушкинского Дома в области пушкиноведения была целиком в руках Гофмана, а поэтому, когда мы говорим о деятельности Гофмана, то мы говорим о деятельности Пушкинского Дома. Если просмотреть все труды Пушкинского Дома, то можно увидеть, что они проведены Гофманом. Следовательно, была эпоха, когда пушкиноведение Пушкинского Дома и Гофман были одно и то же. Можно ли пропустить такой факт? Можно ли выпустить тот факт, что Пушкинский Дом возглавлял все пушкиноведение Академии наук и все эти работы проводил Гофман? Посмотрите «Пушкин и его современники» — вы увидите, что тут Гофман, Гофман и Гофман.¹³¹ Словом, Гофман стоял во главе пушкиноведческих работ Академии

романса «Le délire de l'amour» Ж.-П. Гара (Garat, 1764–1823) на стихи Фабра д'Эглантина (Fabre d'Églantine, 1750–1794), что уже ранее было указано Н. О. Лернером в «Венгеровском» издании (Т. 2. С. 541). Этот «ляпсус», судя по всему, очень переживался Цявловским. В намеченных темах для его автобиографических «Записок пушкиниста» значится пункт: «Je t'aime tant» (см.: Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина. С. 206).

¹³⁰ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 391. Л. 160–177.

¹³¹ «Пушкин и его современники» — повременной сборник Комиссии для издания сочинений Пушкина при Отделении русского языка и словесности Академии наук. Издавался с 1903 года, прекратился в 1930 году на сдвоенном выпуске 38–39. Утверждение Томашевского все же является некоторым преувеличением: исследованиям Гофмана целиком посвящены вып. 21–22 («Дневник А. Н. Вульфа») (1915) и вып. 33–35 («Пропущенные строфы „Евгения Онегина“» и «Посмертные стихотворения») (1922), кроме этих выпусков, его статьи появлялись только в вып. 16 (1913), вып. 19–20 (1914) и вып. 23–24 (1916).

наук. А почему он попал за границу? Потому что он был делегирован Академией как самое компетентное лицо за Онегинским наследством.

Надо вам сказать, что отчасти я был вызван на мягкую оценку Гофмана предварительным разговором с Ю. Г. Оксманом, который мне сказал, что нужно Гофмана осветить в исторической перспективе, что теперь уже можно говорить объективно о Гофмане, и я с ним согласился. Действительно, время утекло, чего там сводить личные счеты. Но я должен сказать, что в действительности с Гофманом у меня были отношения совершенно другие. Вспомните полемику с Гофманом, ведь это я первым стал возражать против Гофмана.¹³²

Должен сказать, что когда мне пришлось побывать в Париже в 1927 году, то в эмигрантской прессе появилась статья Гофмана, в которой говорилось, что приехал в Париж самоуверенный невежда. Это был я. Вот какие разговоры пошли по Парижу. Надо вам сказать, что научные круги Парижа не слишком доверялись этим заявлениям. А несомненно, что все эти разговорчики имели в виду не эмигрантскую прессу, не эмиграцию, которая этим вопросом не интересуется, а были направлены в сторону научных кругов Парижа, были обращены к той научной среде, французской среде, в которой я выступал, ибо мне пришлось выступать не по-русски, а по-французски. И, разумеется, к эмигрантам я не обращался.

Итак, чем же объясняется такой якобы мой почтительный тон к Гофману? Да это вовсе был не почтительный тон, а летописный, несторовский тон и больше ничего. Затем здесь Мстислав Александрович цитировал, что скрывалось за этим моим летописным тоном, а именно, что вся транскрипция «Евгения Онегина» переврана. Это раскрыл Мстислав Александрович, но для этого вовсе не требовалось таких эффектов, такой энергии. Дело объясняется просто. Я человек несдержанный, а поэтому я старался сдерживаться и давать такую формулировку объективного порядка.

Второе возражение, которое было направлено против меня, это то, что я написал слишком мало о себе. По правде сказать, без всякой излишней скромности, мне не особенно приятны были комплименты, расточавшиеся по моему адресу. Дело в том, что моя работа была не одинока, я по Пушкину работал вместе с Халабаевым, и мне кажется, что его имя следовало бы упомянуть. Я не совсем понимаю, почему Халабаева здесь нет. Ведь все-таки же кое-какая текстологическая работа, в плановом, организационном порядке, над Пушкиным была проделана Халабаевым. Сергей Михайлович¹³³ может это подтвердить. Так что вы понимаете, что мое положение говорить о самом себе было бы вдвойне тяжелым — говорить о себе, да еще говорить за других, не только за себя, тут и хвалить как-то получается нехорошо, и ругать нехорошо. Кто виноват, я или Халабаев? Трудно угадать. Вероятно, мы вместе сделали ошибку, но сейчас нет записей и нет возможности сказать, почему мы сделали именно так. Забыл. Это было в 1924 г., и за девять лет забыть можно. Это был заказ Госиздата к определенному сроку. Мы честным образом проработали все это и на каких-то основаниях сделали так, а на каких основаниях — не помню. Вероятно, ошибка. В каком порядке? В порядке апологии неприлично себя хвалить, выступать в порядке всенародного покаяния я не особенный любитель. В моей практике каждая работа есть, если хотите, всенародное по-

¹³² Томашевский имеет в виду свою статью «Новое о Пушкине», явившуюся откликом на пушкинские работы М. Л. Гофмана 1922 года, — «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине», сборник «Неизданный Пушкин», исследования «Пропущенные строфы „Евгения Онегина“» и «Посмертные стихотворения Пушкина 1833–1836 гг.», «История создания и история текста „Домика в Коломне“» (в подготовленном Гофманом изд.: *Пушкин А. С. Домик в Коломне*. Пб., 1922. С. 27–121).

¹³³ Бонди.

кавание, всякая научная работа есть отрицание прежде сделанных ошибок, каждая практическая работа есть отрицание предыдущих ошибок, а календарных исканий я не понимаю, не в натуре они для меня.

Но мне говорили: вы указываете ошибки других и не указываете собственных ошибок. Но в том-то и дело, что критиковать можно других, а себя надо исправлять. Я стараюсь изживать в своей практической работе свои ошибки, но других имею право критиковать. Мне говорят: вы указываете наши ошибки, но не указываете, как надо сделать. Простите за несколько вульгарную аналогию, но когда сапожник шьет сапоги, то я ему говорю: «Товарищ сапожник, вы плохо шьете». И если он мне ответит: «А шей сам», — я скажу: «Простите, я не обязан шить, подумайте сами, как хорошо и правильно шить сапоги...» (*Голос в зале: Мы все сапожники...*) Каждый критик, когда он занимается критикой, он не сапожник. Мы указываем, что не сделано, и в процессе критики мы не сапожники.

Мое отношение к однотомнику. Отрекаюсь от однотомника 1924 г. Девять лет тому назад... Шесть стереотипных изданий. Даже при условии перепечатки нет возможности перерабатывать, есть возможность только поставить за плату. Но отвечать за работу, сделанную девять лет назад, я не могу. Этим самым определяется мое отношение к однотомнику.

Я отрекаюсь от построения однотомника, но я не отрекаюсь от идеи его построения. Правда, я построил его плохо, но строить его надо. Это проблема. У меня нет готового рецепта, но проблема есть, а готового решения нет. Я работаю над этой проблемой. Хронология не есть эстетический принцип, хронология есть отказ от построения. Я же говорю, что надо построить. Здесь говорили, что мой однотомник есть реализация идей Гофмана. В таком случае я не понимаю: я Гофмана не разнес, я чуть ли не его ученик, и неожиданно в роли ученика являюсь реализатором идей Гофмана. Ведь так выходит? Или у Гофмана были здоровые идеи, и, зарядившись этими идеями, я делал что-то ценное. В таком случае апология Гофмана как будто бы реальна, но этого не было. Или же моя работа не есть реализация идей Гофмана. Одно из двух.

Построить Пушкина нужно. Нужно потому, что его надо сделать ощутимым, а исследователи знают, что для нас очень часто Пушкин не ощутим. И когда мы работаем над стихами, над словами Пушкина, мы их не ощущаем. Нам надо немножко искусственно приподнять себя, нужен допинг, чтобы Пушкин ожил перед нами. Что это такое? Ведь вот такой элементарный вопрос, грубое наивное выражение которого сводится к тому: что в Пушкине хорошо и что плохо? Все хорошо? — Ерунда это. Это значит, что Пушкин не ощущается. Ведь Пушкин — это художественное произведение, а когда говорят про художественное произведение «хорошо» или «плохо», то это есть обывательское выражение нашего восприятия художественного произведения, но само-то восприятие не обывательское, а настоящее, подлинное. Если ощущаем — это хорошо; плохо — если не ощущаем. Поэтому нужно Пушкина сделать опять ощутимым, а для этого его нужно построить. Как? Я не знаю.

Да, основная ошибка однотомника — это формализм, в хорошем смысле этого слова. Формализм — это структурное понятие объективизма. Ведь когда редактор отмахивается и сам Пушкин за себя говорит, Пушкин является субъектом издания, то это ошибка. Ошибка выпускать Пушкина субъектом. Субъектом является редактор, а Пушкин — объект издания, его приглашать в редакторы мы не можем. В этом действительно есть ошибка. Другая ошибка или, вернее, другая задача, которая теперь возникает, — смычка текстологии с биографией. Есть биография Александра Сергеевича Пушкина и есть писатель А. Пушкин. Мы интересуемся писателем А. Пушкиным и не интересуемся биографией Александра Сергеевича Пушкина. Нет такого Александра

Сергеевича Пушкина, есть человек, который является в то же время и творцом. Где кончается человек и где начинается творец — это не так просто, как это казалось в эпоху формализма. Когда пишется биография Пушкина с вычеркиванием творческих моментов — это невозможная вещь. Пушкин был писателем всегда — в его увлечениях, в его счетах к прачке. Он был писатель из писателей, писатель до мозга костей. Нам нужно всестороннее синтетическое понимание Пушкина, Пушкина всего, человека и поэта, живого, живого поэта, а не бумажного.

К сожалению то, что я буду говорить дальше, будет носить некоторый характер отвлеченности, некоторого тумана, так как трудно без всякой подготовки выложить положительный план. Нам, как правильно сказал Николай Федорович,¹³⁴ нужен исторический образ Пушкина. Но мне кажется, что Николай Федорович это подсказал, к сожалению, отсутствующему здесь докладчику.¹³⁵ Я из доклада не вынес исторического образа, этого ощущения исторического образа я не вынес. Я знаю докладчика, знаю его работу. Где же в работах докладчика тот исторический образ Пушкина, на котором можно строить сочинения Александра Пушкина. Нам, понятно, нужен исторический образ, но не в таком летописном несторовском виде — абсолютный объективизм. Нам нужен образ в современной понимании, а современное понимание складывается из двух элементов — из того, чем человек близок нам и чем он нам далек. Чем нам ныне близок и чем нам ныне далек Пушкин, совершенно резко отличается от того, чем был близок Пушкин нашим предкам и чем он был им далек.

Издание должно отражать эпоху, но оно не всегда ее отражает, не всегда отражает содержание эпохи. Эпоха есть некоторое единство. И вряд ли можно представить себе в прошлом такие издания, которые отражают всю эпоху. Таких изданий, которые отражают эпоху в какой-то мере, четыре, четыре издания, которые в какой-то мере являются выразителями своей эпохи.

Первое издание — издание Анненкова,¹³⁶ выражающее эпоху. Анненков — фигура пятидесятых годов, весьма характерная. Он не исчерпывает пятидесятых годов, но он характерен, он типичен, он на месте сидит. Павел Васильевич Анненков сидел на месте в пятидесятых годах, и его издание сидит на месте в пятидесятых годах.

Другое издание, о котором забывали, — издание Поливанова Льва.¹³⁷ Оно отражает эпоху. Он — педагог. Лев Поливанов характерен для педагогической среды восьмидесятых годов. Его издание отражает педагогическую мысль восьмидесятых годов, оно характерно в этом отношении.

В какой степени может быть характерно издание Венгерова?¹³⁸ Это парламент мнений девятисотых годов (после 1905 года), это какое-то левое «Новое время».

Наконец, последним характерным изданием является изданный первый том академического издания Л. Н. Майкова. Плохая, но монолитная книга. Пушкин в преломлении Л. Н. Майкова. Нам трудно об этом говорить, потому что это близко, потому что влияние Майкова как-то ощущается, но если посмотреть объективно, то это издание — целая эпоха. Только это первый том.¹³⁹

¹³⁴ Бельчиков.

¹³⁵ Речь идет о Н. К. Пиксанове.

¹³⁶ *Пушкин*. Соч. / Изд. П. В. Анненков. СПб., 1855. Т. 1–6; 1857. Т. 7.

¹³⁷ *Пушкин А. С. Соч.: С объяснениями их и сводом отзывов критики* / Изд. Л. Поливанова для семьи и школы. М., 1887. Т. 1–5.

¹³⁸ См. выше, прим. 46.

¹³⁹ Имеется в виду первый том издания Академии наук: *Пушкин*. Соч. СПб.; Пг.: Изд. Импер. Академии наук, 1899. Т. 1; 1900. Т. 1 (2-е изд.) (ред. Л. Н. Майков).

Но, товарищи, есть характерные издания, не отражающие эпохи. Сюда относятся Геннадиевские,¹⁴⁰ Ефремовские,¹⁴¹ Морозовские.¹⁴² Все это фигуры характерные, но они эпохи не отразили. Геннади, представитель шестидесятых–семидесятых годов, издававший Пушкина в самый разгар шестидесятых годов, в самую их вспышку, все-таки в своем издании не отразил эпохи. Его издание ни в какой мере не соответствовало эпохе. Как оно было встречено? Вы знаете, были эпиграммы на его издание.¹⁴³ Объективно нужно признать, что Геннади был добросовестным, но эпохи не отразил. Издание сделано аккуратно, но чрезвычайно сухо. И вот что интересно — он перепечатал Анненкова, который отразил свою эпоху, а Геннади, перепечатав, заморозил, засушил Пушкина. То же самое нужно сказать и относительно Ефремова, хотя он с большим темпераментом. У Морозова тоже засушенный Пушкин, у Якушкина тоже.¹⁴⁴

Надо сказать, что у нас не так давно была возможность сделать характерное для эпохи издание Пушкина. Я говорю об издании П. Е. Щеголева.¹⁴⁵ Это была большая фигура, но, к сожалению, он умер в процессе издания. Здесь совершенно напрасно слишком остро на него нападают. Может быть, и у меня у самого имеются нападки слишком острые на дефекты в работе Павла Елисеевича. Нужно сказать, что здесь большую роль играли объективные причины, но главная причина заключалась в том, что он был умирающим во время издания. Он умер у станка. Он издавал, работал над изданием тогда, когда силы его были истощены, и, может быть, это издание отчасти его и убило. Что вы хотите от умирающего? Ведь это издание, которое издавал умирающий. Конечно, это совершенно верно, он умирал на наших глазах. Когда мы приходили, мы видели, что не довести ему это дело до конца. Это был умирающий в полном смысле этого слова. Но какое культурное наслаждение было работать с Павлом Елисеевичем. Было наслаждение приходиться к нему, с ним советоваться. А как он освещал вопросы? Это был исключительной тонкости, исключительного понимания человек. Понятно, он был гораздо выше своего издания. Когда он говорил об издании, становилось ясно, что он мог бы сделать, но беда в том, что сил не было, силы пали. Конечно, расхлябанность в организации была, конечно, тут доля личной вины есть. Но не этим его следует помянуть.

Возвращаюсь к старой теме. Чем же далек для нас Пушкин? Очень просто. Прошла революция, а Пушкин поэт императорской эпохи. Для нас уже императорская Россия — смутный сон, а для наших читателей — это совсем сказка. Пушкин же, как-никак, поэт императорской эпохи. Следовательно, все интересы, которые тогда были, ему близки, мы же не можем жить страстями

¹⁴⁰ Пушкин А. С. 1) Соч. / Под ред. Г. Н. Геннади. СПб.: Изд. Я. А. Исакова, 1859. Т. 1–6; 1860. [Т. 7]: Приложения; 2) Соч. / Под ред. Г. Н. Геннади. СПб.: Изд. Я. А. Исакова, 1869–1871. Т. 1–6.

¹⁴¹ Пушкин А. С. 1) Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб.: Изд. Я. А. Исакова, 1878–1881. Т. 1–6; 2) Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. М.: Изд. Ф. Н. Анского, 1882. Т. 1–7; 3) Полн. собр. соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб.: Изд. В. В. Комарова, 1887. Т. 1–7; 4) Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1903. Т. 1–7; 1905. Т. 8.

¹⁴² Пушкин А. С. 1) Соч. / Под ред. и с объяснительными прим. П. О. Морозова. СПб.: Изд. Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, 1887. Т. 1–7; 2) Соч. и письма / Под ред. П. О. Морозова. СПб.: Просвещение, 1903–1906. Т. 1–8. Кроме того, П. О. Морозов редактировал 3-й и 4-й тома издания Академии наук (см. выше, прим. 1).

¹⁴³ Имеется в виду известная эпиграмма С. А. Соболевского: «О жертва бедная двух адювых исчадий: / Тебя убил Дантес и издает Геннадий!» (Русская эпиграмма (XVIII — начало XX века). Л., 1988. С. 310 (Библиотека поэта. Большая сер.)).

¹⁴⁴ Речь идет о втором томе издания Академии наук, которое после смерти Л. Н. Майкова продолжал В. Е. Якушкин (1905).

¹⁴⁵ Речь идет о *КН*.

той эпохи. Ведь мы не то, что Анненков, который издавал Пушкина, будучи его современником, после его смерти спустя двадцать лет (а Пушкин ведь умер в молодые годы), издавал в 1855 году, когда царствовал тот же самый Николай I. Вы понимаете, что тогда все это было связано, а теперь — узел завязан, а веревка разорвана. Но чем он близок, это надо учитывать и акцентировать. Он близок нам, и во многих отношениях ближе даже, чем к Анненкову. К Анненкову, может быть, не так, но ближе, чем к Морозову, к Ефремову. Он близок тем, что жил тоже в эпоху революции. Он воспитан на Французской революции, он прошел через эпоху революции — через двадцатые годы, через революцию тридцатых годов. И когда мы читаем, мы чувствуем этот революционный вулкан. «Вулкан Неаполя»¹⁴⁶ надо понимать шире, метафорически. Мы чувствуем дыхание революции. А что это было для Ефремова? Для Ефремова революция была книжной, а для нас — для нас это живая атмосфера. И в Пушкине эти элементы нам стали особенно понятны, — я не говорю, созвучны или нет, — но вся обстановка, все воскресло в какой-то мере.¹⁴⁷

Между прочим, не думайте, что это так далеко и абстрактно по отношению к текстологии. Возьмем письма к Хитрову. Здесь говорили о гипертрофии комментариев.¹⁴⁸ Но в этих 240 страницах комментариев 160 страниц, т. е. 70 %, говорят о революции в Польше, о революции во Франции, о литературе революционной эпохи, которая была идеологическим выражением всего революционного периода. 70% этих «гипертрофированных» комментариев! Чем распух комментарий? Тем, чем Пушкин стал близок нам. Вы понимаете, что если бы Ефремов, скажем, или другие издавали письма к Хитрову, они бы пухли не этим.

Характерен другой пример. В нашу эпоху найден труд, исторический труд Пушкина по истории Французской революции. Это характерно. Этот

¹⁴⁶ Имеется в виду стих «Волкан Неаполя пылал» из шифрованных строк X главы «Евгения Онегина».

¹⁴⁷ Собственно этой теме было посвящено отдельное «Предисловие», добавленное во втором издании однотомника (1925). «...Можно сказать, — писал Томашевский, — что, за исключением „Евгения Онегина“, все большие произведения Пушкина второй половины его деятельности посвящены теме революции. Еще замечательнее, что во всех своих исторических произведениях Пушкин из всей громадной истории русского государства берет только революционные или бурные переходные эпохи <...>. Повествовательные произведения Пушкина нужно проецировать на всю революционную эпоху от 1789-го года до времен Пушкина. Сам Пушкин глубоко понимал обусловленность своего поколения фактом Великой французской революции и всего начатого ею революционного процесса. <...> Но еще важнее для понимания творчества Пушкина та общая великая революция, то великое рождение индустриально-буржуазного общества, по отношению к которому самые великие политические события века были лишь симптомами либо последствиями» (С. VII–VIII). Эту, условно говоря, «революционную идею» пушкинского творчества Томашевский увязывал и с особенностями его поэтической системы: «Разнообразие жанровой работы Пушкина есть *беспримерное* явление. Собственно говоря, достаточно уже этой черты, чтобы убедиться в том, насколько *критично* все великое явление пушкинской поэзии. Только на рубеже великих эпох истории возникают поэтические системы, представляющие настоящий Пантеон всех господствующих в данную эпоху жанров и типов литературы, энциклопедию всей разнообразной литературной жизни поколения» (С. VI).

¹⁴⁸ Имеется в виду прозвучавшее в докладе Н. К. Пиксанова замечание о «комментаторской гипертрофии», ярко выразившееся в изданиях «Дневник Пушкина 1833–1835» (М.; Пг., 1923) под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского и «Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827–1832» (Л., 1927), где сам французский текст писем, их перевод и примечания к ним М. Д. Беляева, Н. В. Измайлова и Б. Л. Модзалевского занимают только первые 140 страниц. Далее следует раздел «Приложения», включающий статьи Н. В. Измайлова «Пушкин и Е. М. Хитрово», М. Д. Беляева «Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово» и три статьи Б. В. Томашевского: «Французская литература в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово», «Французские дела 1830–1831 гг. в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово» и «Французская орфография Пушкина в письмах к Е. М. Хитрово». Именно раздел «Приложения» имеет далее в виду Томашевский, говоря о 240-страничном комментарии.

труд Пушкина, быть может, не был реализован, но мы теперь знаем, что он мыслил себя историком Французской революции. И характерно, что нашли этот труд именно теперь. Об этом труде есть упоминание у Шляпкина, но тогда не обратили на этот труд внимания, а теперь сразу отметили: Пушкин — историк Французской революции. Нужно это опубликовать или нет? Как будто, нужно. И это выразилось не в построении грандиозного здания, это выразилось в собрании материалов. Это уже камни, из которых можно начать строить. Мы уже видим здание по тем материалам, которые сведены. Что это с точки зрения объективной текстологии? Это выписки рукой Пушкина. То, что говорит не Пушкин — к черту. Если так — мы выкинем за борт историка Французской революции, потому что там не было творческого момента и переписано даже не рукой Пушкина, а рукой жены Пушкина Наталии Николаевны.¹⁴⁹ Но мы будем это печатать, потому что это замысел Пушкина, построение Пушкина, близкое нам, важное нам. А десятая глава? Она открылась в 1910 году, а 1910 год на пять лет позже после другого года. А когда ее стали разрабатывать, когда над ней стали работать? После 1917 года. Вот вам пример, как текстологическая проблема обостряется современным восприятием Пушкина и на фоне того, что далеко, и на фоне объективного познания с точки зрения современности, с точки зрения той эпохи, с точки зрения того, чем он нам близок, с точки зрения того, чем мы теперь живем и понять чего наши предки не могли. Современность не только в наших симпатиях и антипатиях, современность в новой методологии, но не бумажной, написанной, а в новых наших глазах, в том, что мы иначе смотрим.

Возьмите фразу «Пушкин — помещик». Как она звучала двадцать лет тому назад и как она звучит теперь? Разве теперь такое же в нее вкладывается содержание? Разве такое же внимание этой фразе уделяется? Двадцать лет тому назад «Пушкин — помещик» мог вызвать только такое замечание: «Подумаешь! Вот „Я памятник воздвиг себе нерукотворный“ — это Пушкин, это важно, а все остальное мелочь, про остальное все можно промолчать». А мы не молчим. Мы болезненно ощущаем. Почему болезненно? Потому что нельзя быть беспристрастным, спокойным, надо болеть своим делом, надо иметь страсть. Понятно, что социальные мотивы Пушкина сейчас иначе сказываются и в отборе вариантов, и в разработке черновиков. Сейчас мы иначе относимся к этим черновикам, чем относились раньше. Можно сказать, что сейчас мы видим то, чего в другие эпохи не умели видеть и что наша современность дала нам возможность познать.

Кроме того, еще один элемент, который необходимо отметить. Для стариков — Геннади, Ефремова, Морозова — Пушкин статичен, это памятник на Тверском бульваре. (*Голос в зале*: Они были до памятника.) Но ведь памятник та же эпоха поставила. Для нас же Пушкин не неподвижный монумент, для нас Пушкин есть сам по себе процесс, он диалектичен. Мы не можем иначе

¹⁴⁹ Имеется в виду неосуществленный труд Пушкина по истории Французской революции, о котором поэт писал Е. М. Хитрово в середине июня 1831 года: «...я предпринял исследование французской революции...» (*Пушкин*. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 176, 428; оригинал по-фр.). Эта фраза позволяет объединить и отнести к одному замыслу ряд пушкинских набросков и планов, известных в печати отчасти еще по публикациям П. В. Анненкова в его «Материалах для биографии А. С. Пушкина» (С. 267–269) и И. А. Шляпкина в его книге «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина» (СПб., 1903. С. 56–58). В бумагах Пушкина сохранились также листы с выписками из французских газет и исторических сочинений, сделанными частью рукой Н. Н. Пушкиной (ПД 1606). В статье «Французская литература в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово» Томашевский указал на эти выписки как на подготовительный материал к замыслу о Французской революции (см.: Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. С. 253–254). См. подробнее: *Ясинский Я. И.* Работа Пушкина над историей французской революции // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. [Т. 4–5]. С. 359–385.

смотреть на Пушкина. Это не такой человек, который от дня своего рождения до смерти говорил: «Я памятник воздвиг себе нерукотворный», «Я памятник воздвиг себе нерукотворный», «Цензура священна», «Цензура священна». Нет, такого статического Пушкина больше нет. Пушкин для нас в эпохе, Пушкин для нас насквозь диалектичен.

Мне могут возразить, для чего все это я говорю, ведь это же не текстология, а уже исследование, а раз это не текстология, то она не нужна. Неправильно. Я против немецкого беспристрастия, о котором говорил Григорий Осипович,¹⁵⁰ нам оно не годится. У нас другая страна, у нас другие условия жизни. Мы не можем быть беспристрастны. Что это значит? Мы тенденциозны? Нет. Ведь есть разница между тенденцией и руководящей научной мыслью. И дело не в тенденции, а именно в руководящей мысли. Образ Пушкина вдохновляет нас на работу. Материал объективен, но отношение редактора к этому материалу — собственное. И вот здесь я не могу не вспомнить Павла Елисеевича. У него было именно собственное отношение к Пушкину. Издание должно быть современным и современным во всех отношениях. Об этом надо подумать. Оно должно быть современным во всех деталях, в полиграфической технике. Теперь нужно бросить все разговоры о воспроизведении орфографии подлинника. Эти Брюсовские записки надо выкинуть. Не реставрация, не стилизация, а перевод на язык современности в порядке технического оформления.¹⁵¹ И поэтому Мстислав Александрович говорит, что эти издания могут быть заменены факсимиле. Они говорят на языке, который был сто лет тому назад. Нам тоже надо сказать на современном языке, заменить современным эквивалентом. Поэтому стилизованные издания, как, например, ГИЗ'овское издание 1924 г.,¹⁵² они довольно приятны, но нам они не нужны. Стилизация под пушкинские издания ни в шрифте, ни в формате нам не нужна, это есть естество, а нам нужен перевод на современную технику тех задач, которые заключаются в этих изданиях. Если в этих изданиях мы найдем что-либо особенное, обуславливающее особое восприятие, то мы должны задуматься — как на языке современного полиграфического искусства создать такие формы, которые так же будут воздействовать на современного читателя. Все термины, которые фигурировали здесь, — штамп, шаблон, стандарт, эталон — должны быть выброшены. Штамповать нельзя. Это живое, типа¹⁵³ не может быть.

Здесь, между прочим, мы узнали совершенно неожиданно две истины, что Пушкин был поэт и что ученые — читатели. Можно ввести поправку для нашего издания — для нашего издания Пушкин был не только поэт, но и человек. И для нашего издания у нас будет не просто читатель, а ученый читатель, причем, как хотите делайте ударение, на «ученый» или «читатель». И так и так будет одно и то же, правда, если мы скажем *ученый* малый и *ученый малый* — здесь будет разница. (Смех.)

¹⁵⁰ Винокур.

¹⁵¹ Вопрос о модернизации пушкинской орфографии и пунктуации в академическом издании не имел однозначного решения. В. Я. Брюсов в подготовленном им томе 1920 года категорически высказывался за сохранение в текстах Пушкина авторского правописания — по автографам и первоизданиям. Ср. также мнение Цявловского в его рецензии на книгу М. Л. Гофмана «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине»: «Если бесспорно положение (а для нас оно бесспорно), что в „большом“ академическом издании полн<ого> собр<ания> соч<инений> Пушкина тексты должны печататься в орфографии тех оригиналов, которые тексты эти воспроизводят (что, заметим между прочим, дает не единую орфографию), то в изданиях неакадемического типа обязательность этого правила может быть оспорена» (Феникс. Кн. 1. С. 176).

¹⁵² Речь идет об упоминавшемся выше издании «Стихотворений» Пушкина в двух частях в серии «Народной библиотеки».

¹⁵³ То есть типового, повторяющегося.

В этом отношении наше издание должно быть современным, должно быть рассчитано на ученого читателя в широком понимании этого слова. Не для академиков (вы знаете, на стенке бывают такие вывески «для академиков университета»), а для таких академиков — для тех универсантов, которые будут в академии.

Говорили, что издание должно быть так построено, чтобы его можно было матрицировать. Самый тип издания — издания для квалифицированного читателя — не может быть, с точки зрения типографской, с точки зрения орфографии и передачи пунктуации, не может быть предназначен для читателя неквалифицированного, он предназначен для читателя, который привык рыться в книгах XIX века. Попробуйте сматрицировать — что получится? Здесь нельзя стереотипничать, нужно издать это издание, которое должно послужить основой для других изданий, но никоим образом не шаблоном, не штампом, не эталоном, не стандартом, оно и по типу должно быть документом, по своей подлинности. То, что я говорю, собственно касается вдохновения, но редакторского вдохновения мало. Нужна целевая установка. Мне кажется, что наша конференция и должна сформулировать четко целевую установку издания. Я не филолог, у меня другой подход, поэтому у меня и аналогии другие. Для меня издание, это все равно что построить мост. Всякий работник, который должен построить мост, должен иметь задание относительно устройства этого моста, его системы, из какого он материала. Задание должно быть четко сформулировано, чтобы инженер, взяв это задание, смог бы построить мост, но это задание не должно связывать инициативы работника. А у нас задание откуда? Понятно, от общественности. И в этом отношении наша конференция должна чувствовать, что она единственный рупор общественности. И когда мы говорим, мы должны немножко оглядываться, выполнять задание не на собственный вкус, а оглядываться на ту общественность, которая там стоит, за нами. Мы должны вдохновляться, стараться выполнять так задание, чтобы действительно был издан настоящий Пушкин.

Итак, в порядке плана, чтобы не связывать инициативы, важно было бы разрешить три главных вопроса. Во-первых, полноты издания — вопрос, который не вызывает никаких сомнений. Во-вторых, вопрос, который, вероятно, возникнет в процессе обсуждения инструкции, — относительно подачи материала, динамики и кинематики творческого процесса. И вот здесь нужна твердая перспектива, что у нас будет принято — транскрипция, будем ли мы статически воспроизводить тексты документов, черновых материалов, или мы будем динамически их воспроизводить. Это нужно твердо сказать, и те, которые будут работать, сумеют сделать так, как нужно, в зависимости от задания. Но это должно быть четко сформулировано и сформулировано именно здесь. Наконец, третий пункт, который необходимо отметить, это вопрос о системе. О системе сказать надо, нужно сказать что-то общее, принципиальное, после чего в редакционной среде, которая будет сконструирована, не пришлось бы хватать друг друга за горло, ты мол то-то, а я то-то, чтобы споров никаких не было.¹⁵⁴

* * *

Не имея возможности публиковать всю стенограмму, мы ограничились только полемикой вокруг композиционного плана будущего издания. В связи с жесткой критикой Томашевского, звучавшей на конференции, символически, например, выглядит отсутствие ученого на коллективной фотографии ее участников (см. ил. 1), хотя, вероятно, оно объясняется вполне

¹⁵⁴ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 391. Л. 180–195.

случайными причинами.¹⁵⁵ Круг тем, которые дискутировались пушкинистами в мае 1933 года, разумеется, был шире. Пиксанову в конечном счете было отказано в статусе единоличного редактора будущего издания; за основу был принят проект Цявловского; вопрос о редакционном комитете оставлен до дальнейшего обсуждения.

В заключение приведем несколько выдержек из переписки участников конференции в последующие месяцы, из которых видно, что Томашевский в первое время после конференции никак не участвовал в планах нового пушкинского издания и вообще относился к происходящему в пушкиноведческой среде с большой долей скепсиса.

1

Из письма Б. В. Томашевского
к Т. Г. Зенгер (Цявловской), 26 мая 1933 года

О Пушкине забыли. К великому смущению своих поклонников Пиксанов отказывается от скиптра ответственного редактора. Боюсь, что и Мстислав Александрович будет огорчен; на эту мысль меня наводят незабываемые страсти пушкинской летописи, на которых написана адвокатская речь М<стислава> А<лександровича> в пользу диктатора. Да, если бы съезд попросил, чтобы Пиксанов его простил, быть может, он бы и правил нами теперь мудро и славно. <...>

Р. С. Получили ли стенограмму? Здесь впервые я ознакомился с содержанием речи М<стислава> А<лександровича> в защиту инструкции.¹⁵⁶

2

Из письма Б. В. Томашевского
к Т. Г. Зенгер (Цявловской), 1 июня 1933 года

Дней 10 тому назад ИРЛИ в порядке донесения высшим инстанциям подготовил отчет о съезде пушкинистов. Отчет писал Пиксанов и написал его в том смысле, что все предложения Пиксанова были с восторгом приняты. <...>

Привет М<стиславу> А<лександровичу>. Продолжает ли он на меня гневаться?

Б. Томашевский.¹⁵⁷

3

Из письма Д. П. Якубовича
к М. А. Цявловскому, 29 августа 1933 года

Положение дел с Ак<адемическим> изданием несколько продвигается. Горький дал устное согласие стать во главе издания. Это очень существенно. Я послал ему от им<ени> директората ИРЛИ официальное приглашение с просьбой назначить в Москве или в Ленингр<аде> совместное совещание. Пока ответа нет.

¹⁵⁵ Томашевский в это время преподавал в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта (ЛИИЖТ) на кафедре математики и, соответственно, не мог посетить все заседания конференции.

¹⁵⁶ ИРЛИ. Ф. 387. № 419. Л. 1.

¹⁵⁷ Там же. Л. 5.

Ждем возвращения из Варшавы Волгина. В начале сентября будет заседание Президиума Ак<адемии> наук. Там утверждена будет редакция и весь план издания. Однотипная хорошая бумага есть. Очевидно, будет утверждена и долгосрочная ссуда. В середине сентября, очевидно, будут заключаться договоры на очередные тома. Из них, прежде всего, видимо, будут идти Ваши, Мстислав Александрович — т. е. I и II-ой, но по многим соображениям лучше будет начинать со II тома. Все подробности будут выясняться в первой половине сентября. Лично я считаю, что главным вопросом является рациональная организация редакции (на мой взгляд, нужно отстаивать такую: Цявловский, Томашевский, Оксман). Мне кажется, только эта комбинация гарантирует во всех смыслах осуществление издания, работу всех сотрудников.

Привет. Д. Я.¹⁵⁸

4

Д. П. Якубович к М. А. Цявловскому, 11 октября 1933 года

Мстислав Александрович,

Вы, вероятно, получили уже извещение о составе «рабочей редакции» Пушкина.

13-го в 11 час. утра назначено первое заседание редакции, и мне представляется чрезвычайно важным, чтобы Вы тоже были на нем. Помимо всяких существенных вопросов есть еще один, который я намерен поставить, это — введение в рабочую редакцию Бориса Викторовича. Думаю, что это будет принято единогласно. (Я только что говорил по этому поводу с Оксманом, ячейка ИРЛИ тоже возражать не будет). Пиксанов, как я слышал, отказывается от участия в издании. Во всяком случае, если Вы не сможете почему-либо прибыть на заседание часам к 12, или к 1 часу, то *телеграфируйте мне* (на *мой адрес*),¹⁵⁹ нет ли возражений с Вашей стороны. Телефон у меня скверно работает, поэтому телеграфный способ разговаривать, в виду срочности, единственный. Привет Татьяне Григорьевне.

Ваш Д. Якубович.¹⁶⁰

5

Из письма Б. В. Томашевского
к М. А. Цявловскому, 11 октября 1933 года

Дорогой Мстислав Александрович,

Вы, надеюсь, уже получили официальное извещение о редакции академического Пушкина. Вы спрашиваете, впрочем более риторически, что предпринять. На это я могу ответить только одно: ничего. Если Вы собираетесь предпринять что-нибудь для того, чтобы привлечь меня в это издание, то это бесполезно: ни при каких условиях я в нем участия принимать не буду. Это для меня совершенно ясно стало на достопамятном собрании у Оксмана. Там я убедился воочию в существовании союза Пиксанов–Оксман–Вы или во всяком случае в возможности создания такой блокировки в любой момент. Там же я увидел, что для «спасения» издания Вы готовы погубить издание. Ведь для Вас важно «сохранить отношения» и обеспечить выход в свет 14-ти томов, на которых будет написано «Сочинения Пушкина». Если бы я выдвинул Вам

¹⁵⁸ Там же. № 364. Л. 25–26. Дата определяется по почтовому штемпелю на конверте.

¹⁵⁹ Внизу письма мелко записан адрес: «Пр. К. Либкнехта 43, кв. 3».

¹⁶⁰ Там же. № 362. Л. 69–69 об.

условия моего вхождения в издание, у Вас не хватило бы гражданского мужества их принять. Да и как же могу я участвовать в организации, где все делается закулисно, которая все время находится под безответственным влиянием темных лиц; уж я не говорю о факте сохранения имени Пиксанова в составе редакции. Одним словом, этот разговор оставим. Издавайте Пушкина без меня.¹⁶¹

Однако если последовавший осенью 1933 года отказ Пиксанова участвовать в подготовке академического издания был воспринят в пушкиноведческой среде с облегчением, начинать собрание без Томашевского, кажется, никто не мыслил. В ноябре 1933 года Томашевский был утвержден РИСО в составе редакции¹⁶² и со следующего года включился в работу над Большим академическим собранием сочинений Пушкина, хотя и идущим не по его проекту.

¹⁶¹ Там же. № 305. Л. 14.

¹⁶² Якубович сообщал об этом Цявловскому в письме от 22 ноября 1933 года (Там же. № 362. Л. 73). Главная редакция пробного седьмого тома, вышедшего в 1935 году, состояла из пяти человек: номинальных М. Горького и В. П. Волгина, а далее — Оксмана, Томашевского и Цявловского.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-48-71

© М. Н. ВИРОЛАЙНЕН

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» ЗА ЧЕРТОЙ ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ: К ИСТОРИИ РЕЦЕПЦИИ (1844–1999)

«Евгений Онегин» — произведение, по которому могла бы быть реконструирована, в случае утраты всех других стихотворных текстов эпохи, поэтическая культура русского Золотого века. Если бы история его восприятия могла быть описана во всей полноте, это стало бы воссозданием истории взаимодействия позднейших эпох с главными литературными достижениями пушкинского времени. В рамках статьи такая задача, естественно, поставлена быть не может. Здесь будут описаны лишь две тенденции, связанные с истолкованием природы пушкинского произведения. За пределами рассмотрения останутся строго сосредоточенные на фактографии историко-литературные труды (изучение творческой истории в ее хронологии, выявление источников, реминисценций, критических откликов и т. п.), а также текстологические и стиховедческие исследования. Две линии рецепции (две традиции восприятия) будут намечены лишь *пунктирно*, через описание наиболее репрезентативных образцов каждой из них. Обзор всех трудов, следующих той или иной из этих традиций, в задачу статьи не входит, как и анализ всего круга «онегинских» работ тех авторов, о которых в ней пойдет речь.

Используя терминологию теории литературы XX века, одну из этих традиций можно условно обозначить как следующую представлениям о референциальности литературы, о том, что ее основой является мимесис (подражание внешнему миру), другую — как сосредоточенную на автореференциальности (семиозисе) поэтического слова.¹ Первая из двух традиций восприятия пуш-

¹ Об этих двух концептуальных подходах к литературе и полемике между их сторонниками см., например: *Компаньон А.* Демон теории: Литература и здравый смысл / Пер. с фр. С. Зенкина. М., 2001. С. 113–162.